

Анатолий Алейчик

**МОЙ ПОТОМОК ДАЛЬНИЙ,
ЗДРАВСТВУЙ!**

**Стихотворения
Избранное в двух томах**

Том I

Москва
Издательство «БПП»
2010

ББК 84 (2Рос.-Рус.) 6
А 93

***Текст представлен в авторской редакции,
орфографии, пунктуации***

Алейчик Анатолий Александрович
Мой потомок дальний, здравствуй! — Стихотворения.
Избранное в 2 томах. Том I. — М.:, 2010. — 319 с.

Сост., ред., вступ. ст. С. Гладыш

© Алейчик А. А., 2010

© Гладыш С. Д., вступительная статья, 2010

© Издательство «БПП», 2010

ISBN 978-5-901746-15-8

НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЦА

«Моя жизнь обыкновенная и вместе с тем не такая как у многих. Спроецированная через войну, почти полную утрату трудоспособности и вновь разгорающееся желание ЖИТЬ! И нет прекрасней того, что люди нарекли жизнью», — написал однажды Анатолий Алейчик. Он выстрадал это понимание, и пристрастным отношением поэта к этому пониманию наполнена каждая строчка его стихов. Он терзается и негодует, сталкиваясь с тем, как разрушается заложенный природой порядок мироздания; и вмешивается по праву гражданина, памятуя некрасовский завет стихотворцу.

Особенно тревожно звучит голос Алейчика, когда он видит, как безжалостно уродуется нашим жестоким временем хрупкий стебель едва распускающейся жизни — временем беспощадным к самым слабым, самым незащищенным. Дети... Они всегда платят по счетам взрослых. Когда больше, когда меньше, но всегда — сполна! Сегодня, словно вернулись разруха и беспризорники двадцатых годов прошлого века, но с принципиальным отличием: тогда власть взяла на себя ответственность за происходящее и занималась спасением детей — сейчас обездоленное детство предоставлено воле случая.

«Женька». «Полуребенок с женской сноровкой»; крутится на вещевом рынке «зазывалой» у тетки, зарабатывая на пропитание себе и матери, — «та пьянчужка. А отец в могиле».

«Мальчик, ребенок мужского пола...», которому угрожает педофил...

Кошмар наших дней — дети, познавшие, что деньги на хлеб можно заработать торгуя собственным телом... «Дева в кустах исполняет минет...» Страшные стихи... На грани дозволенного осознанный натурализм, вызывающий поначалу сопротивление и даже брезгливость: «Как?! Зачем?! Оскорбление высокого стиха!» Не знает поэзия запрещенных тем! Поэзия — настоящая — не стерильна, она — живая, как сама жизнь во всех ее проявлениях: прекрасных и омерзительных.

*По малолетке, по нищете,
По скудости пищи духовной,
Она исполняла движения те со знанием дела...*

Уверенно повторяя то,

*Что в порнофильмах подмечено
На пустыре, в кустах, вечером
Учит на деле Женщина.*

«Сжимая в руке мизерный задаток», девочка рассчитывает вернуть «долг неподъемный», но...

...в конце ее финкой ударит...

У Женьки все складывается иначе. Ее судьба пока бережет: «в баре *подпитые* лбы ее поили, может, газировкой». Парадоксальные выверты сегодняшнего бытия, когда полу-бандиты оказываются гуманнее и порядочнее иной «творческой интеллигенции», обосновавшейся на отечественном ТВ.

Ответственность. Ответственность перед самим собой «за каждый день, что прожил на земле», за будущее сына и незнакомого мальчишку — незыблемое кредо поэта. И готовность защищать свои идеалы и вечная борьба за жизнь и будущее. Не страшась соблазнов и угроз.

*Им не сманить меня червонным золотом,
Не запугать ни пулей ни ножом.*

Гражданская позиция Алейчика держится на отношении к своей земле, — «Богородский край просторный, / Утопающий в церквах», — которая чудо как хороша и дорога ему.

*И где б мне слов сыскать
Таких, чтоб всем понятно
Представилось, что Мать
И Русь — одно понятие!*

И постоянство чувства к Родине

*Моя любовь к тебе неоспорима!
И быть её хранителем стараюсь
Сколь хватит сил — на должной высоте.*

Терпимый во многом, он готов решать проблему не кулаком, а разговором

*От зла не остается зла,
Когда добром его врачуешь*

Но компромисса с совестью Алейчик не терпит. Поэт предупреждает: во все времена судьба беспощадна к тому, кто из трусости избегает сделать выбор.

*Два флага на избе висели
Под стрехами на двух углах.
Для красных и для белых — с целью
Со всеми быть не во врагах.*

*Случилось так, что запылали
С концов обоих два угла.
Одни **оттуда** наступали,
Другие — двигались **туда**.*

Он скажет о себе:

*Я не трибун, не Бог, не гений,
Не вождь, не царь и не герой, —
Я просто выверил те гены,
Что унаследованы мной.*

*Я просто заново продолжил
Их вечный неизменный путь,
Я просто сыну вверить должен,
Что не смогу отцу вернуть.*

Планку требований к самому себе поэт определил раз и навсегда — истинно по-мужски — и не снижает высоты. И такой же уровень отношения к жизни он ста-

вит для сына — сначала мальчика, потом юноши, красивого, «с косою саженью в плечах».

*Стань мужем, коль настигнут беды.
И никогда не предавай
Родных, Друзей, свою Отчизну.
Вперед, сынок, не трусь, давай!*

Стихи Алейчик писал всегда — пятиклассником переписывался с журналом «Юность» и газетой «Пионерская правда». Стихов не печатали, зато исправно слали советы «не бросать» и потом поступать в Литературный институт. Он и не бросал, писал теперь для себя: «поэтические зарисовки, нечто подобное пушкинскому «Евгению Онегину»» и «все, что могло прийти в голову». И даже школьные сочинения писал рифмованные, чем ставил в тупик преподавателей.

Писал и о войне, той, далекой, не ведая, что его война — впереди.

«В реальности всё оказалось куда страшнее, чем мог любой из нас предположить, — вспоминает Алейчик. — Во первых, «политруки» говорили о возможности и необходимости помощи дружественному народу. О том, что если не мы, то кто? Что там, такие же таджики и узбеки и прочий люд, путём силы удерживается под знамёнами противников созидательной жизни, бандитов, наёмников. Я, наверно, один из немногих, кто выпал из стройных рядов Советской Армии и оказавшись в госпитале смог, дать понять окружающим, что *война настоящая, самоделишная, с кровью, гро-*

бами и калеками. На меня ходили смотреть как на чудо — «он оттуда». Режим секретности разваливался как карточный домик. Правда, пустили слух, что я при проведении учебного минирования сделал что-то не так и вот Вам результат».

*И не знал я, что меня коснуться
Смерть могла, но тут же отвлеклась.
Я лежал, а из ушей как с блюда
Через край на камни кровь лилась.*

Уроки послевоенные он усвоил на всю жизнь. Тем более, что отношение к «афганцам» и со стороны власти, и со стороны общества — что еще ужаснее — было отвратительным. «Мы вас туда не посылали!» Немало поспособствовал этому академик-депутат А. Д. Сахаров, заявивший на Первом съезде народных депутатов СССР, будто бы в Афганистане советские летчики расстреливали своих солдат, попавших в окружение. Потом, после недолгого смещения акцентов, войну, «которая не закончилась поражением» стали считать проигранной и вновь отношение к войне перенесли на ее участников. И все это пришлось пережить и Алейчику. Но

*Ветеран не плачет, только стонет,
Вспоминая боль былого вслух.*

«Тут тебе и обман военкоматов записей участия в войне (Заболевание получено в период прохождения военной службы в рядах Советской Армии). И не выполнение обязательств государства по предоставлению

жилья в льготном порядке. Живы воспоминания, о выключивании какого бы то ни было санатория, для реабилитации (кстати, единожды дали путёвку в Архангельское, со словами, что больше туда никогда не попадёшь)».

«Афганцы» старались держаться друг друга, не рассчитывая на государственную помощь, объединялись, поддерживая тех, кому было совсем плохо.

*Так крепче за руки возьмемся,
Братаны! И даже если нет
Руки — зубами в плоть вопьемся
Товарища по сонму бед.*

Они уходили из жизни не от старости — «от старых ран», как его друг Руслан.

*Я вспоминаю жизнью обездоленных,
Что в инвалидном доме кров нашли,
Которых ты, войною опаленных,
Поддерживал на кровные шиши.*

«В нашей выпускной роте одиннадцать человек уже никогда не выйдут на вечерней поверке из строя по команде старшины, их вырвала навсегда из строя война в такой картинно-красивой горной стране, как Афганистан».

Выброшенные из общества и ему ненужные, как и государству, многие воины-интернационалисты спивались, кончали жизнь самоубийством, некоторые уходили к бандитам и «в бандиты». Богу, так считает сам

Алейчик, было угодно сделать его тем, что он есть — поэтом, человеком, избежавшем черной судьбы многих «афганцев». Он никогда ни у кого, кроме Бога, — «господь, храни меня в делах!» — ничего не просивший для себя, вымолил у медкомиссии третью рабочую группу инвалидности. И добился своего, — Анатолий Алейчик снова в строю (и занимает ряд руководящих должностей в Ногинске). И пусть он комиссован из армии по инвалидности, но такие офицеры — всегда на действительной службе

*Из нас любой вести достоин
С любой войной предметный спор...*

Но «иногда мне кажется, что смерть может последовать в следующий миг после написанного мною слова, прожитого мною дня. Когда мне бывает плохо, я совершаю крестное знамение как в последний раз».

Тема смерти — в постоянном борении — время от времени появляется в поэтике Алейчика.

*А сколько я мешков порвал,
Назначенных для погребенья...*

Прогнать ужас ночных кошмаров поможет и верный четвероногий друг — Рен:

*И крупной лапой шею обнимает,
И морду на лицо кладет,
И всё в одну минуту исчезает —
Лишь наяву испарина и пот.*

И все же нет-нет да и выйдет на свет жутковатая строчка

Меня кремировали нынче...

Так ведь война — это «пограничная зона между страной мертвых и страной живых». Поэт постоянно ощущает за спиной ее дыхание —

*Но как увижу пестрый камуфляж,
Мне вспоминается и горизонт кровавый,
И напроць развороченный блиндаж.*

Литературный институт остался в позабытых мечтах, но Афганистан дал мощный импульс творчеству. И жизнь продолжается, пусть и в некоторых ограничениях. «Наблюдения за природой сводятся к недалекому выходу на речку Клязьму, — говорит Алейчик. — На ее берегу стоит моя девятиэтажка. Подвесной мост через речку дает мне возможность с головой уходить в мир природы. Все радостное, что написано о ней, создается на пенёчке. Под развесистой ракитой. Под щебетание птах и кузнечиков». Узковат кругозор, скажете? О, нет! Оказывается, как много можно увидеть благодаря лишь «недалекому выходу на речку Клязьму»! Надо лишь обладать особенным зрением и, осмысливая увиденное, пропустить его через сердце и душу, создать из всего этого «рожденный в муках стих».

Алейчик смело пользуется словом как цветом, перемешивая одно с другим, словно краски на палитре — и получает строку сочную, выпуклую и живописную.

*Купол храма задушен
Белым шарфом тумана.
Напрягись и послушай —
Плачет колокол: «Мама!»*

Или

Воздух стеклянно-прозрачный...

Времена года для поэта неизбежно, неразрывны в прекрасной гармонии, поэтому в описании лета часто присутствует напоминание о зиме.

*Средь яркой зелени травы
Как снег цветы ромашки...*

Зимний пейзаж непременно наполнится горячим цветом:

*И в обрамлении седин
Ветви зажглись снегирями.*

Он расставляет слова, подчиняясь интуиции творца, порой сознательно не заботясь о порядке слов в строфе:

Вошел Комдив. В руке вода

В графине светится кристаллом...

И засверкало стихотворение, окрашенное «неправильным» порядком слов!

Отношение к природе у Алейчика изумительно одушевленное. Он участвует в существовании деревца, речки, цветка и сопереживает их состоянию; иногда образно отождествляя с человеком

*Остригли поле под нулевку,
Как новобранца — на войну.*

И не перестает любоваться всем, что дарит взору природа.

*Ходит, хороводы водит
Ветер охристой листвой,
И с ума меня он сводит
Своей дивной красотой.*

Великий русский писатель напророчил: красота спасет мир. А в нем — душу человеческую, тем более израненную, исстрадавшуюся, и благодарно принимающую целительную силу красоты. Наполняется такая душа любовью, переливая ее в поэтическое письмо.

*И лишь Любовь — бессмертная! — жива,
И будет жить от века и поныне,
И плавится под гильзами трава
И пахнет Мирозданьем и полынью.*

Если вдуматься, то все написанное Алейчиком — исключительно о Любви. Любовь к Отечеству неотделима от его существа. Он преподносит ее людям и животным, не скупясь на доброе слово для комара и лягушки. Подобное отношение ко всему, что создано Творцом, помогает нам глубже понять — и оценить — милосердие поэта к тем, кто слабее и нуждается в покровительстве.

И вечное влечение к Женщине:

*Дай испить любви мне, краля,
От твоих красот скорей.
Видишь! Звезды ярче стали
И зашелся соловей.*

Мгновенье... И нетерпеливую нежность сменяет мощная взрывная волна мужского ликования, полного восторга обладания и гордости дарить его.

*И упаду на грудь тугую
Своей седою головой,
И потревожу Бога всеу —
О, что за ночь была с тобой!*

Его любовная лирика обильна, чувственна и многоцветна — от робких пастельных тонов до ярчайшего раблезианства. Порой начинает кружиться голова от полифонического дамского окружения поэта. Однако все многочисленные страстные признания обращены к

единственной Женщине, дарованной Алейчику судьбой.

Вот уже три десятилетия Она бессленно рядом — Его Света. Они встретились и поженились, когда, отвоёвавший свое после контузии, Алейчик начал отбывать госпитальное пятилетие. Ее любовь облегчала муки госпиталей; понимая его состояние, находила верные слова; терпеливо оберегая, возвращала его желание Жить. Их общая победа — явление поэта Анатолия Алейчика.

Самые прекрасные и пылкие строки о ней и для нее, —

*Я тебя люблю как прежде,
Все на свете позабыв*

Или

*Люблю тебя! Люблю
До одури, до боли...*

Полноту и силу чувства Алейчик умеет выказать и скромным слогом. Вот стихотворение на простенький, бытовой сюжет. В поведении гостя хозяин усмотрел (возможно — ошибочно) некое пренебрежение к его дому и — главное — к жене. Он возмущен.

*Но только не надо смотреть сверх газеты
Как Света моя мне исподнее шьет.
Движения рук ее так торопливы,
Ей стыдно при ком-то все это творить,
Но надо. Нужда. И она терпеливо*

*Под взглядом чужим умудряется шить.
Ровно лежат аккуратные строчки.
Коль другом назвался — не надо пенять
На бедность мою! И газетные точки
На лице и стане жены расставлять.*

Здесь — величайшее Преклонение перед *Его* женщиной. Слиты воедино лирический герой и автор — явление в поэзии привычное. Нередко для подобного сочетания требуется мужество — не каждому по силам решиться на поступок Алейчика. Но — вы помните? — Поэт готов «с любой войной вести предметный спор».

Анатолий Алейчик выстраивает свой художественный мир истово, самозабвенно и нетерпеливо. Поэта ведет стремление щедрого сердца поделиться с людьми всем, что накоплено за годы каждодневного труда.

Приходите и владейте — двери мира Алейчика не запираются.

Светлана Гладыш

СТИХОТВОРЕНИЯ
Том I

**«ВСЁ, ЧТО ИСХОДИТ ОТ МЕНЯ»
(1999 — 2000)**

* * *

Всё, что исходит от меня
Помечено незримой силой.
И гребень солнечного дня
Та сила вспять поворотила,

И, поиграв луной в ночи,
Неумным подсказать хотела,
Тепло и свет какой свечи
Горит в душе и крепит тело.

И на колени упади,
И положи главу во страхе
На пень дубовый — лишь один
Не веруешь ты в силу Плахи.

Всё что исходит от меня,
Не ада жар и благодать неба,
Вся сила моего огня,
Тобой подсказанная небыль,

И миром правя, вечный страх
В сознании шатком насаждая
Людей, я вижу только прах,
Что силой той не побеждаем.

Но кто-то руки вяжет мне,
И к плахе голову склоняет.
И будто бы в кошмарном сне
Чело от тела отлетает!

* * *

Жизнь недостойная моя
Кометой в небе промелькнула,
И ни кого не обманула,
Во мне пристанище найдя.

В былое обративши взор,
Хранимое завесой тайны,
Ошибок жизненных позор
Уже не кажется случайным.

И столько их, что не объять,
Не объяснить разумной силой —
В который раз меня, опять,
В их мощном вихре уносило.

Но в том водовороте дней
Не только зло происходило —
Я чувствовал, что был умней,
Богаче Мудростью и силой.

И был бы несказанно рад
Отречься от деяний пошлых:
Никто настолько не богат,
Что б искупить ошибки в прошлом!

* * *

А что за чёрною чертой?
Печаль, тоска, в себе сомненье,
Иль всё не так, лишь дверь открой —
За той чертой любви свеченье.

Но стоит ли к черте шагать
И ждать неясного ответа,
Шагнуть, иль ждать?! И я опять
Ищу подсказок и совета.

Но мудр лишь тот, кто молчалив,
Ошибок тем не допуская,
Прокручивает он мотив
Молчанья у черты, у края.

И можно ли его винить,
За эту мудрую подсказку?
И я шагнул, чтобы испить,
Ту упоительную ласку.

О Боже, как ошибся я:
Печаль, тоска, в себе сомненье
Вдруг стало смыслом Бытия,
Перечеркнув к любви стремленье.

И вот я бледен и слезлив —
Несчастней нет на целом свете, —
Поймите мудрости мотив,
И не шагайте, и жалейте.

* * *

Седой туман пробил холодный пот,
Пожухшая трава в бриллиантах влаги,
И верится, что близится восход,
И ночь стекает в синие овраги.

А быть тому, иль нет — не решено:
Предчувствие не факт, скорей желанье,
Которое за жизнь обретено,
По логике железной подсознания.

Но верить надо, — все произойдет,
Как в прошлые мгновенья и столетья,
И непременно плоть моя умрет,
Навеки Духу подарив бессмертье.

И осознать мне важно самому,
Кому и в чем я должен буду клясться.
Я ухожу в Историю, во тьму,
Туда, где души пращуров ютятся!

* * *

Ночь стремится к концу —
Третий час на исходе, —
Сын подходит к отцу
И отца не находит.

А ведь только что был,
И постель не остыла —
В глубь холодных могил
Истекла его сила.

Лишь бревенчатых стен
Желтизна, да лампада.
Рамкой схваченный в плен,
Зрит отец своё чадо.

Фотография лет,
Полинявший фасад,
Смотрит сын, стар и сед,
Затуманенный взгляд.

Про отца ли пишу,
По себе ли рыдаю,
И прощенья прошу,
А простит ли — не знаю.

* * *

Проснулся, порвана сорочка,
По лбу струится липкий пот.
За тюлью штор желтеет точка
Луны, украсив небосвод.

И три звезды над нею стали —
Парад каких-то там планет —
А мне рубаху разорвали,
В тот самый миг, на склоне лет.

И понял я, стирая слезы
И пот с морщинистого лба:
Парад Планет — небес угрозы,
Что мне пророчила толпа.

Вот и не верь теперь в приметы:
Рубаха, звезды, и молва
Сулят мне окончанье Света,
За фразы, мысли, и дела.

Лампадой высвеченный угол,
Поможет ли? Помог, помог!
Сорвав рваньё, что цветом в уголь,
Я принял поцелуй Богов.

Одевшись в чистые одежды,
И осознав — свершилось То! —
Я стал другим, не тем, что прежде,
К библейской мудрости готов!

* * *

Я вижу сны правдивые о том,
Как пепел над кострищем чувств летает,
И облака губительным свинцом,
Раскрашивая, в тучи собирает.

Грядет уже та страшная гроза,
Когда Любовь с небес дождем прольется
Кислотным — и в твоих глазах
Извечной слепотою обернется.

И ты воскликнешь: «Раз любовь слепа! —
Кто поводырь? И кто она такая,
Чтоб отнимать у зрячего хлеба?!»
Избрание пути — желанья Рая...

Я вижу сны правдивые о том,
Как тот вопрос во тьме веков витает.
Любовь — это когда ты строишь дом,
А все вокруг дымится и пылает.

* * *

Моя свеча все теплится в ночи,
Что жизнью именуется жестокой,
И свет во тьме небес моей свечи,
Едва заметный, слабый, одинокий.

Потрескивает тонкий фитилек,
И плачет, плачет восковое тело,
Но тьма вокруг уже предвидит срок,
Когда погаснет пламя в массе белой.

Но там, вдали, сияет чей то свет,
Маяк, что виден всем горящим,
И у меня сомнений больше нет,
Что побеждает Сумрак леденящий.

И я горю, что силы есть горю,
И все вокруг горят моим примером,
И я встречаю новую зарю, —
Зажженную, немислимою верой.

Но фитилек — хоть так светло вокруг —
Внезапно вспыхнул и погас навеки,
И темнота с небес упала вдруг,
Закрыв мои натруженные веки.

* * *

Мальчик, ребенок мужского пола,
Светоч семьи и родительских грез,
Ты появляешься плачущий, голый,
Голым живешь, и голым умрешь.

Если тебе уже восемнадцать,
Вдвое приходится Бога молить:
Тебе за оружие надо браться,
И может, придется тебя хоронить...

Коль возвратился с войны калекой
(Предупредить бы об этом в начале),
Ты обвенчаешься с местной аптекой,
И только о ней вспоминаешь ночами.

Ну а дожил до седин глубоких,
Значит тебе, как и мне, пятьдесят.
Портреты сбежавших жен синеоких,
Над изголовьем кровати висят.

И нацепить ордена на рубаху
Твоя привилегия лишь одна,
Страна натерпелась такого страху,
Что ветхость рубахи ей не видна.

И что остается? Приют для сирых,
Где долгожительниц пьяных мат,
Твоя последняя в жизни квартира,
Для инвалидов — Дом-интернат.

Мальчик, ребенок мужского пола,
Светоч семьи и родительских грез,
Ты появляешься плачущий, голый,
Голым живешь, и голым умрешь.

* * *

Меня склонять на добрые дела
Воистину бессмысленное дело.
Лишь только прозвонят колокола,
Церквей Руси раскатисто и смело,

Я в глубине собора — скорбен лик,
И изучают взглядами святые —
От горя или Веры сей старик
О грязный пол чернит виски седые.

И что не делай, здесь не утешенье
Ни черной мысли, ни желаний плоти,
Раскаяньем за эти прегрешенья.
Вы в этот самый миг живёте.

Свечной угар, кадилъниц сладкий дым
И стройный хор и глас Архиерея,
И ты в сей миг со Господом один,
И на двоих святая Иудея.

Как легкий сон, как приторный сандал,
Уходит Храм, в Душе храня святое,
Но горе мне: святее я не стал —
Меня манили пальцем сразу трое.

Гордыня возвеличивала труд,
Горело сердце в предвещанье блуда,
И не казался страшным Страшный Суд,
От влаги терпкой емкого сосуда.

И я бранился грязно, много, зло,
И я искал по жизни виноватых,
Их бог хранил, от слов моих — везло,
Им — кому жаждал мерзость и отврата...

И шел домой не радости искать,
Под куполом оставив призрак Рая.
Шел ерничать, кричать, существовать,
Больное сердце этим подрывая.

А ночью как уймутся палачи,
Моим уродствам вволю насмеявшись,
Я у оплившей восковой свечи,
Благословен, поэзии отдавшись.

Они — богатства — здесь и много их,
И зло — богатство тоже, если можешь,
Простить себе тот самый страшный миг,
Когда беду зовешь под возглас: «Боже!»

Я понимаю это и прошу,
Пусть лучше буду слыть я ненормальным,
И этим званьем сразу разрешу
Дела и мысли, гибкий разум дальний.

Настанет время, есть ли смысл делить
Моим сынам поступки ложной лестью,
Души наследство нечего делить,
Ее сокровища, умрут со мною вместе.

Про себя

А все вокруг, увы, не замечают
Того, что более всего видней,
Хотя такое вряд ли повстречают
За жизнь свою, в водовороте дней.

Тигрица жизнь, вцепившись в холку счастья,
Одним рывком, как олененка с ног,
Сбивает наземь и кровавой пастью
Лакает пыль с неторенных дорог.

И можно восхищаться этой силе,
И над бедой не деланно рыдать,
Но дух отчаянья, живущий в мире,
Не даст вам силу истины познать.

И каждый удивится по-иному,
И будет всем, кому рукоплескать,
И предпочтенье будет только Слову,
Дозволенного Мудрому сказать.

А те, кто по пути его встречали,
Толкали, чтоб пройти вперед скорей,
По глупости своей не замечали
Того, кто более всего видней.

* * *

А ветер северный поет
О красоте снегов бескрайних,
И иней серебристый вьет
Венок из веток погребальный,

Который отлит из тоски
По прошлой жизни отдаленной,
Где твои белые виски,
Как блик по заводи зеленый,

Где сердца твоего рубин
Горел на синем небосводе,
И счастьем только ты один
Был так желанен и угоден.

Не в тягость прожитого груз
Натуре истинно влюбленной.
Я пробовал ее на вкус,
Любовь! И жил ей окрыленный.

И не заметил, как ушли
Ватаги птичьи — косяками,
И с неба ринулись дожди,
По хлипким крышам, рысаками,

И влага выстудила грудь,
И глаз горение затмила,
И жизни бывшей Соль и Суть
Злодейка Осень погубила.

И мне не выиграть ее,
Ту схватку, ведь сама Природа
Из сердца моего берет
Свою Решительность ухода.

Я сломлен и скорблю вдвойне,
К ногам привязывая гири,
Готовясь к яростной войне,
В душе моля о вечном мире.

В незамерзающей воде,
Анестезирующей раны,
Я нечто большим овладел,
Я вымолил свой мир желанный!

* * *

Локон нежный и волнистый —
Лишь его ночами жажду, —
С неба месяц серебристый
Засветился в пряди каждой.

Помню все, и вижу снова
Эти ласковые очи,
Слышу ласковое слово,
В блеске соловьиной ночи.

С грустью я встречаю Осень,
Вспоминая дни былые,
И душа ромашек просит,
Сердцевины золотые.

И все так же зреют ночи,
Той тревожной тишиною,
Шалый ветер все пророчит,
И колдует надо мною.

Нет в моей душе печальной,
Тех промчавшихся мгновений,
Чтоб, как солнцем озаряли,
День Осенний!

* * *

Мой дом стоит, огнем объятый,
И рушатся его основы.
Костюмы, с плечиков не снятые,
Погибнуть вместе с ним готовы.

Все круче силушка слепая
Грозит свирепым видом Ада,
И в битву грозную вступая,
Ей жертв сыскать побольше надо.

Все выше жаждущие пламя,
Мелькают всюду чьи-то тени,
И с Сатанинской злостью — с нами
Ведут смертельные сраженья.

И знать им надо, что за сила
Победу обретет заранее,
Ведь ложь и злость она убила
В пылу безудержных мечтаний.

И дальше двум началам вместе,
Цвести без доли окаянной,
Спасаясь от бесспорной мести
Горячей, яростной и пьяной,
Чтоб сохранить во тьме столетий
Духовные двуличья эти.

* * *

Я люблю тебя, родная, —
В мире не сыскать
Лик, что душу опьяняет,
Разум мой и стать.

Трудно из родимой хаты
Твое сердце взять,
От порога мои сваты
Изгнаны опять.

Я с сумою подорожной
Хлебушка кусок
Попросил, и осторожно
В лес тебя увлек.

И пойми же, дорогая,
Лишь мечтать я мог,
Чтоб, за нами наблюдая,
Обручил нас Бог.

В перелеске плачет верба,
Горькою слезой,
Вспыхнет солнца лучик первый,
Только наш с тобой!

* * *

Мы приучим их следовать за мечтой,
Но на этом пути лишь бугры, да ухабы,
Не сумели же воины силой взять Троию,
Хоть мечтами и храбростью были не слабы.

И на мудрость Богов уповать им пришлось,
Подарил им Коня из досок царь небес,
И проникнуть во град хитрецам удалось,
И сбылись их Мечты править миром Чудес.

Каждый что-то нашел для себя в том Раю,
Кто рабыни отпор, кто господскую ласку,
Ну а тот, кто был другом, заколот в бою,
Тот расстался с мечтой, превратившейся в сказку,

Ну а кто-то мечтал, что вернется в свой дом,
Приласкает жену, что его так любила,
Но мечта обернулась Троянским конем,

И мечтательный лоб топором раздробила.
Знал ли варвар, что в нем и, возможно, в одном
Жили вместе: Любовь, Вера, Истина, Сила?

Посвящается Голод Е. И.

Лагеря холодные чернели
На отрезках кипельных снегов,
Тысячи безвинных шли и пели
Тягостные песни бурлаков.

За собой тащили на веревках
Не грехи — ярлык, позорный флаг,
Черный от смертей и голодовок
С сытой красной надписью: «Кулак!»

С горизонтом странники сливались,
Словно дым для глаз, на вкус горьки,
Шаг за шагом, к цели приближаясь,
С адовым названьем «Соловки».

И ничто их в жизни не пугало,
Только раз, за эти сонмы дней,
Им навстречу женщина шагала,
На руках держа больных детей.

Объявился врач в одежде ветхой,
Был простужен, кашель его бил,
Смастерил из лоскутка конфетку,
У очей ребячьих поводил.

Недвижим Иван, но дочка Светка,
Увидав тряпичный огонек,
Протянула руку за «конфеткой»,
Улыбнувшись, врач ей жизнь предрек.

В руки взяв умершего ребенка,
К горизонту строй засеменял,
Сквозь слезу молились за девчонку,
Чтоб дойти, просили дать им сил!

В смрадных ямах, среди седых туманов,
Повенчавшись жизнью со свинцом,
Возлежали мертвые Иваны,
И малышка, с ангельским лицом.

* * *

И снова суета в мерцающем экране,
Политика и секс дают изрядный крен,
Движенье «Талибан» хозяйствует в Афгане,
В России правит бал и зверствует «Чечен».

Смеющийся Хаттаб, не сказочный «Хоттабыч»,
На плахе голова — не вымысел веков,
И я не зря крещусь тремя перстами на ночь,
Ведь взрывы не страшат — детей и дураков.

Но больно мне сжимать персты в святую горстку,
Как будто отлежал я их в кошмарном сне,
Где «ваххабит», с фаланг срывая крови корку,
По очереди их отстреливает мне.

Пластинин

Я слаб характером, и в том моя беда.
Как пластилин, моя Душа и тело,
И что бы не задумал я, всегда
Стальные люди все прогнут умело.

Мне деньги обещали за дела,
Которые не всякому по силам,
И мудрость, что ходы свои плела,
К решительным победам приводила,

Но пластилин, что в мышцах и хребте,
Всем позволял давить на бедолагу,
И я не получал достатки те,
Что вписаны в бесстрастную бумагу.

Да что достатки эти — сущий вздор,
Копейки за проделанное, «Нечто».
Судьбы напор, и вот уже я вор,
И моя совесть сгорбилась навечно.

И чем ту слабость Духа укрепить,
Пока я весь согбенный не предстану
Перед людьми — и есть ли право жить,
Тому, кто гнется в жизни беспрестанно.

Хлебникову О.Н.

Один поэт сказал однажды
Мне — не берись ты за перо,
Растить таланты так же важно,
И уж поверь не всем дано.

Лелеять каждый слог «начала»,
И слышать в лепете судьбу,
Чтоб восхожденье облегло,
Им с жизнью жесткую борьбу.
Как мог старался я, с годами
Их вверх, к Олимпу строк вести,
Таланты гасли со стихами,
Не в силах перлы в жизнь нести.

А я, поверивший поэту,
Стиха стеснялся своего,
Не предлагал раздумий свету
И страстность сердца своего.
А жаль... Всех, кто горел алмазом

Прекрасных образов и строк,
Всех уносило раз за разом
В бескрайний жизненный поток.
И вроде не удел остался —

Кому мне стоит помогать?
Себе? Но я не расставался
С потребностью стихи слагать.
И жизнь со мною не шутила,

И была крепко так и сяк.
И словно в сказке огранила
Тот «поэтический пустяк».
У них метафоры и фразы,
Неологизмы, стили школ,

А я усердно раз за разом
Смысл Бытия кладу на стол.
И в этой старенькой тетради
Прописана вся мудрость дней.
Прости, подсказчик мой! Не сладил
Я с той задачей твоей.

Книга

С улыбкой шел, свой, возвеличив труд,
Держа брошюру в переплете новом.
Все смертны, и когда-нибудь умрут,
Но будет жить возвышенное слово,

И то, что прожил я, прочувствовал и вник,
Слезой и смехом, солью пота, кровью,
Потомок мой, поправив воротник,
Прочтет с улыбкой нежной, и любовью.

Он плотью «дуб», плечист и коренаст,
Его глаза сродни небесной сини,
И тайн в стихах сокрытых не предаст,
И не продаст противникам России.

А значит, вечно роду быть, и жить,
Крестьянствовать, стихи писать, сражаться,
А может быть, пред Алтарем служить,
И вечной вере страстно поклоняться.

Возьми мой тонкий томик, в нем портрет
Тебе в глаза заглянет без боязни,
В нем корень Польши, Иудеи след,
И русской разудалой жизни праздник!

* * *

Пускай начертанный диагноз
Со строк написанного мной,
Как беззащитный Божий Агнец,
Как тень, что за моей спиной,

Коснется твоего порока,
И ты осудишь, осмеешь,
И может, даже раньше срока
Вселенской мудрости умрешь.

А я в мороз житейской прозы
Все так же босым удалюсь,
И — что мне вьюги и морозы,
Я не диагнозов боюсь, —

Боюсь не донести страданий
Моей израненной Души,
Моих порывов и стараний,
В стихах, что ждут ночной тиши.

И пусть сверкнут безумством грани,
(Ведь миром правит Высший Ум)
И вас смертельным Словом ранит
Дурак, — святой строки колдун,

И есть ли право осужденья,
Коль режет словно лук глаза,
И сердце, будто в очищенье,
Омоет светлая слеза.

Живи слепец, прозреть не просто,
Прозренье — высшего удел,
А я, сорвав с груди коросту,
Вериги сброшу, храбр и смел,

И храбрость эту презирая,
Воскликни: «Это же дурак,
Отрекшийся от Музы рая.
Обретший Слово за пустяк!»

* * *

Когда откровенья столетий,
Беспорный язык обретут,
И всякий их мудрость заметит,
Что Те в своих звуках несут,

И все как в мозаике сложится,
И войны, и холод, и глад,
И непорочная роженица,
И прелесть небес, — Райский сад.

И сын мой уж завтра, быть может,
В предпраздничной суете,
Столетия грядущего сложит —
В стихи откровения Те.

И нам не страшны мысли эти,
Сквозь прочную сцепку веков,
Любой их премудрость заметит,
Бредущую вдаль босиком!

* * *

Зима в разгаре — Рождество,
Глухая ночь окно закрыла,
Свеча — Души моей родство —
Пылает с неуёмной силой.

Потрескивает фитилёк,
И воск стекает вниз слезою,
Вот он на стол дубовый лёг,
В миг, предначертанный судьбою.

И вот как камень затвердев,
Он не свеча, он то, что было,
Когда фитиль, почти сгорев,
Им сбережён был от могилы.

Я верю в логику любви,
Воск умер, свет оберегая,
А за окном фальцет пурги
Христа рожденье восхваляет.

Мне радостно, как той свече
Светить, хоть холод неизбежен,
И ясли освещать в ночи,
Где спит младенец, тих и нежен.

* * *

Светлой памяти Любочки Фроловой

День стал как ночь, в густом свинце небес
Погасло солнце, свет всего святого,
И в сумраке тонул «высоток» лес,
В январских вьюгах, выбелив покровы.

Мне весть пришла сурова и горька,
Как вкус полыни, как удар стилета,
И сердце с испуганием зверька
О ребра билось, в поисках ответа.

За что меня любовь прошедших лет
Таким известьем черным покарала?
Той, с кем я был когда-то, больше нет,
Земля ей дом и саван — покрывало.

Не может жить в сознании моем
Несовместимость этой ипостаси
С небесной красотой, что жизнь в заем
Мне предложила, возжигая страсти.

Но мне ль корить коварную судьбу,
За то, что вместе нас соединила,
Я выиграл неравную борьбу
Порядочности — с низменной силой.

Но в главном я, конечно, потерял,
Бутон, который трогал я губами,
Раскрылся непорочным и отдал

Всю чистоту свою тому, кто стал меж нами.

И остается только вспоминать
То, что достойно кисти Рафаэля,
Готовое всеночно убеждать,
Что значит для меня ее потеря.

Встав на колени, голое чело,
Смахнувши снег, прижал к тому, что мило,
И чувствую, как вновь ее тепло
Струится сквозь промерзший холм могилы.

* * *

Инстинкт подпитывает чувства,
И взгляд горит, душа пылает,
Когда природа, верх искусства,
Ее красу изобретает.

И ты шалеешь от экстаза,
Готов на подвиг и разбой,
Когда она, хоть краем глаза,
Случайно встретится с тобой.

Кто есть сильнее Геркулеса,
И глубже мудростью змеи?
Инстинкт, он на подобье пресса,
Множит достоинства твои.

И что ей делать остается,
Как не удерживать свой пыл,
Она же тоже отдается
Инстинкту, что ее томил.

И по нему себя сверяя,
На бабье положась чутье,
Она такого выбирает,
Кто должен выбрать был ее.

* * *

Я вымыслил тебя такую, как ты есть,
И вылизал твои покрашенные губы.
Я прокричал в эфир, позорнейшую весть,
Что овладел тобой мужскою силой грубой.

Что ты уже не та, испорченная мной,
Познавшая разврат — для Олуха невеста,
И что тебе со мной — и только лишь со мной! —
Под солнцем мудрый рок свое означил место.

И тела твоего жестокий господин,
Я жадным языком в порыве чувств ласкаю,
И смоль твоих волос серебром своих седин,
Как снегом зимних вьюг я покрываю.

И смуглый шелк груди, с горошиной соска,
Влекущих бедер Рай и упоенье,
Тепло твоей любви — Божественный рассказ
О сладкой сказке рода продолженья.

И ты строкам поверь, читатель молодой,
Но плоть угомони и не ищи глазами
Ту, что вошла в мою своей судьбой,
И иссушает жаркими устами!

* * *

Опять казенный дом, постылую больницу,
Мне нагадала в срок нелепая судьба,
Как много лет подряд до боли зубы стиснув,
Вдыхаю дух ее и ем ее хлеба.

Мелькание сестер и нянек в коридоре,
И жесткий поцелуй постельного белья,
Определяет жизнь — в ее просторе,
Как путь телеги шаткой — колея!

Я рад бы не принять никчемную таблетку,
От горечи ее отречься был бы рад,
Но кто же исцелит недуг мой редкий
И не продлит мне жизнь, как этот яд.

Я в полузабытьи, шприц десятикубовый
Мне впрыскивают в вену, все плывет,
И видится мне стол, не тесанный, дубовый,
И слышится мне хор, тот, что по мне поет.

* * *

Моя жена, что океан страданий,
И дух её присутствует во всём,
Но в хаосе холодных Мирозданий
Нам жить, сгорая голубым огнем.

Как две звезды летим неумолимо,
Законы притяжения поправ,
Больших планет, седых созвездий мимо,
И выясняем, кто из нас не прав,

Хвосты комет глаза нам застилают,
Соленой, полновесною слезой,
И только Бог всемилостивый знает,
Что дождь планет — из влаги золотой.

Холодный свет, мерцающий и дальний,
И свод небес, пронизанный копьем.
Она и я, мы океан страданий,
Испепелённый адовым огнём.

* * *

Меня наверно полюбила
Дитя возвышенной природы,
И на свидание водила
По огородам.

По дальним тропкам, заметенным
Скрипучим снегом,
Ее шаги определенно,
Сменялись бегом.

Ко мне, к моей красивой сказке,
Она стремилась,
Чтоб испытать Земные ласки,
На снег валилась,

И обмороженные крылья
Уже не важны,
Ведь для нее могилу рыли,
И не однажды.

Все ближе, ближе силуэт
Под тонкой тканью,
Над ним теплится слабый свет
Планеты дальней.

К кому ты, девочка Мечта,
К чему стремишься,
Твои незрелые года,
Летят как птицы.

И год последний промелькнет,
И наши губы
Смерть неминуемо скует
Печатью грубой.

Тебе ко времени тому
Под двадцать будет,
И нас на небесах поймут,
И не осудят.

* * *

Во искупление или нет,
Ради того или этого
Дева в кустах исполняла минет
Парню полуодетому.

Ему безразлично, была ли она
Духовным экстазом охвачена,
Рыжих волос у коленей копна,
Не «нечто», а просто банальщина.

Она же старалась, как только могла —
Могла же она немало.
И мысль воспаленная, словно игла,
Покоя ей не давала,

По малолетке, по нищете,
По скудности пищи духовной.
Она исполняла движения те
Со знанием дела, ровно,

И зубы не делали больно ему,
Блаженством он истекает,
И жесткие волосы к нежному лбу
В экстазе он прижимает.

Неладно в кустах, за копейки, за так,
Все, все исполнить дозволено,
Сжимая в руке мизерный задаток,
С которым и будешь уволена,

Но это не трудно... и больше легко,
Что в порнофильмах подмечено —
На пустыре, в кустах, вечерком
Учит на деле Женщина.

Да молода, да юна, да невинна,
И если хотите умна,
Она все делает просто дивно,
И ей ни к чему слова.
Ей поутру, на уроке в школе,
Еще предстоит отвечать,
Но долг неподъемный — «стольник»,
Уже через час отдавать.

Вот и работает Дева губами,
Надеясь, что «всё пройдет»,
Но парень финкой ее ударит
И спермой лицо зальет.

И будет молва по тому кварталу,
Где девочка эта жила:
Допрыгалась, все-таки, доигралась,
Так в похоти и умерла.

* * *

Не надо женскую натуру
Ни холить, ни обожествлять.
Она, как некая микстура,
Которую есть смысл принять

От всех недугов и пороков,
До чувств невиданных любви.
И осуждать ее, нет проку,
Смирись... и с радостью прими

К душе и сердцу, все, что было,
И все, что будет, не забудь.
Натура женская — могила,
Которой плачутся на грудь,

И тайны жизни доверяя,
В порыве чувств, не помни стыд.
Натура женская такая,
Она за все, всегда, простит.

За серость, глупость, слабость духа,
За флирт, беспечность и хулу.
Натура женская, — старуха,
Бомжом живущая в миру.

А мы все пыжимся, желая
Кому-то что-то доказать,
Но на краю... За гранью края,
Она придет тебя спасать,

И зацепив клюкой, поможет
С колен опять на ноги встать,
С улыбкой старческую кожу
Свою дозволит целовать.

И отлежавшись, отболевши,
Прикинув, что к чему и как,
От дрызг житейских поседевший,
Ты, бывший говорун, остряк,

И бабник — «Любят же ведь, дуры!»,
Ты похваляешься собой,
Но пьешь без меры все микстуры,
Налитые ее рукой!

Монолог о страхе

Боюсь уйти и не вернуться,
Боюсь занять и не отдать,
Боюсь, что завтра не напьются
Мои уста Любви опять.

Боюсь, что Жизнь меня забудет,
И глаз сияющих белки,
И монолог, который будет,
С любимым моя душа вести.

Затянут небо злые тучи,
Заплачут скорбную слезой,
Кровавой, тягостной, горючей,
Что сын прольет и правнук мой.

Но я спокоен, все сохранно,
Покуда жив я и дышу,
И птичью трель, что в дымке ранней,
В душе израненной ношу.

Мотивы песен человеческих,
И телефон, что пьет тоску,
И серость дней, в которых вечность,
И тягу к яркому мазку.

Боюсь, что унесу глубины
Ночных, бессонных Ваших глаз,
Девичью поступь, запах тминный,
Что убаюкивает Вас.

И вовсе не тяжелый выход
Из лабиринтов, тупиков,
Где сверху Истина и вывод:
«Боюсь бесстрашных дураков!»

Не устоять на почве зыбкой,
Вам всем, а этот монолог,
Прослушаете Вы с улыбкой.
А что не слышно? Стопы ног

Влачу я в вечность, мне не страшно,
Я сделал все, что только мог.
И говорю: «Оружье наше, наш разум,
вразуми нас Бог!»

* * *

Какая проза — это утро,
Звенит о талый лед капель,
Природы пробужденье мудрой,
Вплелось звучаньем в птичью трель.

И старая моя собака
Весенней течкою больна,
Средь утреннего полумрака
Желать любого пса вольна.

Какие дальше пояснения,
Мне требуется дописать?
Поет капель и это пенье
Из сердца больше не изгнать.

Поет душа, в глубинах темных
Ее — весна давно живет,
И взгляд очей девичьих томный
Ее наружу позовет.

И ты воскликнешь: «Боже, правый!
Какая прелесть за окном!»,
И март восходит полноправно,
На трон любви тобой ведом.

* * *

Черная сука с сосками набухшими
Первый помет принесла по весне,
С черными глазками, с черными ушками,
С черной судьбой, как во сне.

Знать бы ей бедной, ищущей прокорма
Ход чьих то мыслей и дел,
Завтра, по полной положенной форме,
Будет исполнен отстрел.

Стыть ей заброшенной в труповозке,
(Кровью залиты соски с молоком)
А под корягой, у старой березки,
Стынет с детьми ее «дом».

Писк из норы все слабей и слабее,
Где же им мать-то сыскать?!
В братской могилке щенки леденеют,
Вылизет смерть их, как мать.

Знал бы стрелок, с похмельюги, нетрезвый,
Что его ствол натворил,
Он бы остатки семейства «дорезал»,
Нож в сердце жертвы вонзив.

* * *

Сто тысяч раз всходило над землею
И утыкалось Солнце в горизонт.
Сто тысяч раз я мысленно с тобою
Спешил к нему в закат, спешил в Восход.

Росой холодной ноги умывая,
Мы любовались жизнью, как могли,
И наши чувства, верно, узнавая,
Из темных роц свистели соловьи.

Но это было в мыслях, а на деле
Я шел один в пылающий восход,
От черных ветров чувства онемели,
И стыл в росинках жаркий небосвод.

Тебе не слышать птиц земных стенанья,
Тебе не видеть слезы на траве,
Ты отдыхаешь от ночных гуляний,
Да сын сквозь сон рыдает обо мне.

Сцена на базаре

Шум и крики на базаре,
Выговор кавказский слышится,
Всяк в своем репертуаре,
Распродать товары пыжится.

Кто кричит: «Сосиски в тесте!»,
Кто: «Огурчики отведайте».
Кто молчит, а где-то песня
К Вам спешит, за ней и следуйте.

В камуфляж певцы обряжены,
Микрофоны, усилители,
Не жалейте денег, граждане,
На запросы исполнителей.

Ведь не зря же песни грустные
Про далекий Кандагар,
Не скупитесь люди русские,
В пользу выйдет вам базар.

Но один старик горбатый,
Что сивухой приторговывал,
Рубль не выложил «солдатикам»,
Не склонил пред ними голову.

Увидал вчера случайно,
Как юнцы барыш считали,
Громко планы намечали,
Тут же и дележ начали,

Не обидели охранника,
Не забыли участкового,
Всем по лакомому прянику
Выдали дельцы толковые.

А меж тем, гармонь охрипшая
Пела старую мелодию,
И считал копейку лишнюю
В рваной шапочке юродивый.

Подошел к нему горбатенький,
Что полком в войну командовал,
И сказал: «На, выпей, батенька!
Эко всех ты нас порадовал».

И глотнув глоток из горлышка,
Улыбнулся музыкант,
Выплеснув в толпу до донышка
Незатейливый талант.

* * *

Я земли коснулся, сквозь которую
Прах отца сумел я различить —
Вот костюм, он был ему не в пору,
Ну а гроб поменьше мог бы быть.

И мешают корешки березы
Сладко спать и ноги разгибать,
Мне б ее спилить, но станет прозой
Холмик, где отцу еще лежать.

Будет так, пусть промелькнут все годы,
Холм источат мудрые века,
Но встречать грядущие народы
Будет ветвью — батина рука.

* * *

Сидела девочка в слезах,
Густая прядь на лбу.
В ее заплаканных глазах,
Лежал отец в гробу.

В ее поруганных мечтах
Погас отсвет огня,
И чистый воздух весь пропах
Пожаром Бытия.

Сгорает в нем и отчий дом,
Неграмотная мать, —
Несладко будет ей потом
Себя в миру искать.

Но что поделаешь, она
Готова ко всему,
И в Ленинград увезена,
Чтоб встретить там войну.

Блокада, голод, институт,
И смерть глядит в глаза,
Но гроб отца стоит и тут,
В глазах горька слеза.

В ее поруганных мечтах
Не гаснет огонек,
И на ее немых устах
Цветет любви цветок.

Его заметил молодой,
Отважный капитан,
И вывез девочку домой,
К себе, за Валаам.

Она войной истощена,
Ручонка словно плеть,
Но та беда возмещена, —
Ведь отступила смерть.

Недаром огонек святой
Золой не жаждал стать, —
Так стали мужем и женой
Мои отец и мать.

* * *

На прекрасное — восторгаюсь,
Над уродливым — не смеюсь,
До сих пор разгадать пытаюсь
Суть восторга, щемящую грусть.

Квазимодо, ужасный ликом,
Равен обликом с Сирано,
Но душа прокричала криком
«Возлюби их!» — все равно,

Откажись от видений лживых,
Мудрость в спутники пригласи,
Ради чувств их вполне красивых,
Сердце гордое расспроси.

Разве можно лишь не смеяться
Над прекрасным созданием Души,
И на мрамор лица восторгаться,
Совершенством назвать решив.

Ведь когда-то и Саломея,
Иудеи прекрасной Дитя,
Иоанна главу сумела
За красу испросить у Царя.

А юродивый, что на паперть
Вышел хлеб Христа ради просить,
Не для плоти своей, чтобы скатерть
Для голодных птиц расстелить.

Красота и юродство сменились
Вековым пониманием слов,
Я хочу, чтоб на сирость молились
Среди дня и в объятиях снов.

Я хочу, чтоб краса не оружием
Для неправедных дел была,
А служила бы верой и службой
И к возвышенным чувствам звала.

Репетиция парада

Парад один на всех — победный, юбилейный.
Коробки батальонов чеканят ровно шаг,
Равнение шеренг к трибунам Мавзолея,
Который обрамлял Советский красный флаг.

Я знаю этот мир, я был там не однажды,
Брусчатку промерял стальной подошвой ног,
И изнывал в строю, терзаем страшной жаждой,
И боль в ногах терпел, насколько мог.

Там был не раз. И видел всю изнанку,
Литых фигур физический недуг.
Под бравадную речь, вдруг потеряв осанку,
Лицом упал в брусчатку друг.

И вижу: волокут за ноги (не до жира)
К сокрытому от глаз УАЗику с крестом,
А рядом уж возник запасник по ранжиру,
Самой судьбой возвышен на престол,

Я сам едва держусь, — не рухнуть бы! Кусаю
Зашитый в воротник «начмедом» нашатырь,
И чувства все сполна мгновенно обретаю
И больше не плывет стена ни вверх, ни вширь.

Но вот звучит заветное: «Напра-во!»,
А позже, наконец: «По-батальонно — Марш!»
Меня несут вперед, кто слева и кто справа,
Хранит святой Георгий нас — престольной страж,

Манит к себе собор Блаженного Василия,
Мы с каждым шагом ближе к синим куполам...
Все, «Вольно!» — и коробка обессилено
Плетется вразнобой к знакомым секторам,

А дальше, развезут нас по казармам,
В парадном разрешат отправиться домой,
Увы, меня не ждет в поселке «Энском» мама;
Отец не генерал, и даже не «Герой».

Но у меня — мечта, она осуществима:
Съесть три вторых и осушить компоту —
«сколько вмочь».

Парад давно прошел, парад непобедимых,
И катиться стремглав, к очам бессонным, ночь.

Перед операцией

Вот мне уже и не до шутки,
Судьба стучится в двери зло,
Мои последние минутки,
Как с вами мне не повезло.

Осознавать решимость боя
За жизнь с изменчивой судьбой,
Поэтому и нет покоя
Тому, кто все еще живой.

Но вещий сон свой не напрасно
В ослабшей памяти ношу,
В нем Богом высказано ясно,
Что за грехи — всего лишу.

Что жизнь? Она дороже правды,
Надежды, веры и любви,
А может, все вопросы равны,
Сколь мудрость в помощь не зови.

И все когда-то умирает,
И каждому отмерен срок,
И лист календаря слетает,
Когда тот срок укажет рок.

А умирать, конечно, страшно:
Не раз я в мыслях умирал,
И кровью черною окрашен,
Под сердце мне входил кинжал.

И все панически летело
Куда-то и, вскипая, страх
Сжигал беспомощное тело,
Бессильной жизни в серый прах.

* * *

Всему свой срок, определён давно,
Указан всем свой путь, своя стихия,
И каждый день... и холод... и тепло,
Секунды счастья и часы лихие.

И каждое мгновенье на виду,
И плачь мальчика, и пьяный смех блудницы,
И сколь написано, и что, на чьём роду,
И надо ль плакать или веселиться.

Лишь краткий миг, что выпал из цепи
Чреды событий. Ад и Рай не различает,
Его достоинств некому ценить,
Он — суть любовь — кто этого не знает?!

Практикантки

Я лежал на железной кровати,
Подошли, предложили раздеться
Две девчонки. Короткие платья
Под крахмалом халатов, как детство!

Расплескалось вокруг и распрыгалось
Под скакалками проводов,
Э. К. Г. не случайно выдало:
«Результат... ко всему готов!»

А они, смеясь, убирали
С волосатой груди присоски,
И склонясь надо мной, щекотали,
Расплескавшись, меня их прически.

И ушли, унесли в аппарате
Сердца бедного острые линии,
Под халатами белыми — платья,
Что глаза невзначай увидели.

Смежив веки свои на мгновение,
Вместо влаги резиновых труб,
Я представил, на удивление,
Поцелуи девических губ.

* * *

Преклони свою голову, ведьма седая,
На колени костлявые, что я имею,
Кто тебя от калитки прогнать не сумеет, —
То нутро мое жженое пеплами Рая.

Я туда поднимался, душой содрогаясь,
Я боялся грехов, что за мною взлетали,
Стрелы гнева Архангелов их посжигали,
За грехи свои каюсь, защитить их пытаюсь.

Да! Когда-то по похоти силу приемлел,
И безвинною мог до конца насладиться,
Но любил ведь, любил свою вещую птицу,
До сих пор ее голосу светлому внемлю.

Да, убил и не раз, но не ради забавы,
По порыву души... и по Родины зову,
Защищал я от пагубы веру Христову,
И от злого чечена славянскую бабу.

Да! Порочил, хулил и забрасывал камнем
Ту блудницу, что «Спасе» от смерти берег,
Завернул ее в саван и нес, сколько мог,
А затем схоронил по обычаям давним.

Боже, кто я — дракон, раздираемый злостью,
Иль одна из заблудших, но все же овечек?!
Заходи ко мне, ведьма, и будь моей гостьей,
И свидетелем мук моих нечеловечьих.

* * *

Не сдержат мне накала земного,
Я не в ногу со светом и тьмой.
Как в кино, память снова и снова
Злую шутку играет со мной.

Вот та Мысль, что с усердьем цеплялся,
Жизнь по ней всё пытаюсь сверять,
Мерил силы, но вновь оборвался
Кадр... и помощи можно не ждать.

Дальше должны быть чувства прекрасны,
И наверно шальная любовь, —
Пред глазами мелькает неясно
Как углем подведенная бровь,

И глаза, и пунцовые губы,
Непослушные пряди волос...
Снова тонет все в окрике грубом
Моей памяти!.. «В прошлом все брось!»

И бросаю, как маленький мальчик,
Исполняя наказания отца,
А не то обожгу себе пальчик,
Изуродую нежность лица.

Оттого выпадаю из строя,
Невпопад шаг печатаю свой,
И давно уж иллюзий не строю,
Подружиться с суровой судьбой.
И на ночь, запирая засовы,

Ставни вновь раскрывая с утра,
Вспоминаю и фразу и слово,
Что как пух с губ сорвали ветра.
И шепчу в исступлении снова:
Память наша — суть наши дела!

Ромашка

Средь яркой зелени травы,
Как снег, цветы ромашек,
И все, конечно же, правы,
Что нет картины краше.
Ступая телом серых троп
Вперед, к заветной цели,
Я вижу солнца желтый лоб,
Весь в лепестках метели.
Над горизонтом Солнца диск,
Чуть ниже лес, да крыши,
Столба чернеет обелиск,
Да птичий гомон слышен.
А взять чуть в сторону и ты,
Пыльцу метешь рубашкой,
Сколь видно пенятся цветы
Шальной волной ромашек.

* * *

Ближе к вечеру, ближе к холоду,
Я навстречу к природе вышел,
Перешел через речку — смолоду,
Крика времени не услышал.

Долго я гулял по сторонке той,
Что пологой была у реки исстарь,
Дни летели прочь, словно дикий рой,
Возвратился к реке я стар.

Нет того моста, чрез который шел,
И река на взгляд, много шире,
Слышу крик с небес: «Что, старик, нашел?
В стороне чужой, в чуждом мире!

Не стремись туда, где когда-то был,
Там всем внуки твои заправляют». —
Не послушал я, и как мог поплыл,
Сколько силы мои позволяют.

Берег был крутой, берег топким был,
И в трясину меня затянуло,
И руками я что есть силы бил,
Пока смерть на меня не дохнула.

Улеглись круги на речной воде,
И над берегом плачет голос,
Плачет голос тот обо мне, по мне,
По погибшему плачет молодость.

* * *

Ты знаешь, друг мой закадычный,
Сегодня я в себе убил
Раба! — он был такой приличный,
В расцвете мудрости и сил.

Период рабства осуждая,
Похоронил его как мог,
И никому не досаждая,
Мой раб переместился в морг.

Но страшно жить на белом свете
Мне без него (и спору нет),
За все и вся живет в ответе
Передо мною целый свет.

И каждый должен, должен, должен,
Передо мной одни горбы,
Заметил нимб пресветлый Божий,
Что Боги тоже все рабы.

И только лик передо мною
Печален, черен и суров,
Рабы не в дружбе с Сатаною,
Он посетил мой скромный кров.

Рукою сильною бес страха
И совести за горло взял,
Перстом, указывая плаху,
Мне повелительно сказал:

«Вот что, дождешься ты когда-то,
Низвергнутый сквозь землю страхом,
И приближается та дата,
Чтоб овладеть тобою махом».

Я, все в себе давно убивший,
По сути тоже, что и он,
Сказал: «Берите и несите,
Мне сладок траур похорон.

И с горла персты уберите,
Вы, анти-Бог, но Бог в толпе
За Вас, наверное, в молитве.
Увы, бессмертье не во мне.

Но тем меня пугать не стоит,
Пусть это мой последний час,
Но и в кругу больничных коек,
Я и в бреду отвергну Вас».

И слышу, силы иссякают
Из мышц и слышен клич: «Молись!»
Но нет раба, не достигает
Моих ушей спасенья клич.

Меня целует ангел падший,
Весь сонм от черной силы рад,
Но Боже! На колени павший
Ко мне вернулся мой же раб.

По чьей не ведомо молитве,
Он ожил и меня сыскал,
И с черной силой в смертной битве,
Святой слезою обласкал.

И все твердил: «О Боже правый!»
И я во след: «Прости! Прости!»
И Сатана, лишенный славы,
Готовый в Ад нас унести,

Кричал: «Ты слаб и молодушен...
И друг склонившимся горбам,
В тебе жив раб, и он разрушит
Тобою возведенный Храм!

Крепись, крепись!.. Силен я также,
Как тот, кто отче всем горбам».
И не прошло мгновенье даже,
Он вновь убил во мне раба.

Опять я равный с Сатаною,
Бесстрашно в грешный мир смотрю,
Ведя беседу сам с собою,
Твержу: «Коль явится — убью!»

Но раб во мне не захоронен,
И был убит совсем не мной,
И радоваться, я не склонен,
Убийству не моей рукой.

В себе сомненья возрождая,

Я понимал, кто нужен мне,
Хотя бы для того, чтоб Рая
Сады привиделись во сне.

Чтоб мне владеть посмертно кем-то,
Хотя бы тем, кто вечно слаб,
С живыми помощями ленту,
Вдруг мне подбросил кто-то... Раб?

Нет, он убит, нутром я чую.
Так кто? Ответ явился сам,
Тот, кто любовь врачует,
И «отче» всем земным «горбам».

И я, себя не понимая,
Воскликнул: «Боже! Воскреси!
Как Лазаря, раба — стенает
Дух мертвого в моей груди!»

Столпом сияющим восставший,
Освободил от мрака «лап»
Меня... и на колени павший,
Во мне воскрес убитый раб!

И понял я, кто хоть однажды
Учил «выдавливаться раба»
По капле иль всего, не важно —
В Раю не будет никогда!

В молитве пребывая стойко,
Будь каждому поклону рад,
Все сделай так, чтобы достойно
В ладу с тобою жил твой раб!

* * *

И вновь автобус желтолобый
Меня в края лесов несет,
Вокруг рассыпались сугробы,
И тополиный пух метет.

Фрагмент зимы изгнать желая,
Озлясь солнцу так печет,
А он, нисколько не страдая,
Слепит безжалостно народ.

И в злобе на него за это
Ворчит, сварливо стар и млад,
Смеются птицы — это ж лето,
А лету кто всерьез не рад!

И лишь автобус желтолобый
Летит вдоль лета с ветерком,
Глазами фар дробя сугробы,
С забитым мягким пухом ртом!

* * *

Июньский дождь, как ты хорош!
Когда к Земле любимой
Косые стрелы влаги шлешь,
Стеной неукротимой.

Она давно тебя ждала,
Вся извелась, иссохла,
Что без тебя ее дела?!
Травы увядшей охра,

Да обмелевший ручеек,
Да чахлый куст ракиты,
В ее груди, что ждет черед
Быть жаждою убитой.

Неужто проклял ты ее,
Не поведя и бровью,
И месть смертельная встает
Над бывшею любовью?

Но ты поверь: колючий снег
Ее не возжигает,
И для нее прекрасней нет
Цвет зелени без края.

И ей не жить без слез твоих,
Тепла, добра и света,
Ты есть единственный жених
Земли, в зените лета.

И нет союза, что прочней
Любовных уз и краше,
Чем ты доказываешь ей,
Целуя в губы пашен.

* * *

И тихой речки гладь застывшую,
И солнце, что прижилось в ней,
Все стережет Земля, родившая
Красу лугов, лесов, полей.

И кто не признает величество
И стебелька, и лепестка,
Хоть славянин, то и язычества
Не понял сути он пока.

И что, и где и как кормило
Тех предков, чей остыл уж след,
Когда могучее «Ярило»
За Бога чтили сотни лет.

К чему учить грехи, сгущая
Тень под восторженной душой,
Горит «ЯРИЛО», утопая
В затоне с чахлым камышом.

На мосту

Вниз по асфальтовой дорожке,
Что тушью черный дождь омыл,
Спускаюсь вниз к реке заросшей,
К мосту, с шершавостью перил.

И облаков рисунок рваный,
Что руки выпростав к земле,
Водю заполняют ванны
Ложбин, разбросанных везде.

И серый фон полей и далее,
Лесов и старых деревень,
Сквозь дождь, который все так ждали,
Стоит уже который день.

И воздух влагой напоенный
Вдыхаешь легкими сполна,
Как блеск воды посеребрённый,
Съедает жадная волна.

А на душе покой исконный,
С природой ты наедине,
И сердце нежится истомой,
Над речкой, в дождевой воде.

* * *

Снег белый, что объял все крыши,
Не на века, — придет черед,
И солнце огненно задышит
Весною и его убьет.

И он, водою вниз стекая,
Лица земли коснется вдруг,
От края самого до края
Возьмет ее сердечко вокруг.

Она обмякнет, раздобрееет,
Венцом красы порой весенней
И боль земли простить сумеет,
И примет брошенное семя.

Последняя скачка

Ловко взнес хлесткий кнут на коняку возница,
По бокам бедной клячи вожжами ударил,
Засвистел, закричал, с переливом, как в битве орлица.
Старый конь его прыть ни на шаг не убавил.
Пыль из-под ног его взвилась как туча,
Как снежный вихрь его грива плескалась,
Он как стрела, что извергнута силой могучей,
И в чьей-то груди на излете своем обломалась.

В бешеном ритме у каждого сердце трепещет,
А у коня лишь последние доли секунды.
Кровь из горла его с алой пеною хлещет,
Глубоко удилами разорваны губы.

* * *

О чем нам говорить с тобой,
Коль станешь ты моей женою.
Я старый, немощный, седой,
Как коршун над твоей красою,

Как царь кощей над сундуком,
Где ты — сокровище в нем злато.
Не поделюсь и пятакон,
Ни с кем, хоть сказочно богатый.

Твой взгляд, чистейший бриллиант,
И губ пурпурные рубины,
А стан твой выточить талант,
По силам сказочному Джину!

А мне владеть вот этим всем,
Всегда, без всякого обмана,
И посекундно ждать проблем,
Хотя бы от стрелы Ивана.

Меч-кладенец мне не спасет
Мое бессмертье, смертен стану,
Покуда взгляд тебя поет,
И сердце жаждет без обмана.

Но мне отречься от тебя
Нет силы, никакой ценою
Ведь ты сама, сама себя
Просила быть моей женою.
Я знаю, что тебе скажу

В ту ночь, когда нас все оставят,
И Боги брак наш не восславят.
«Ивану в горло нож всажу!» —
Вот что во-первых я скажу.

Ветеран

Кривые ноги, в шортах мятых, —
Не распознать какого цвета, —
В протертых шлепках, непонятно,
Какой ногой куда надетых,

За хлебом вышел, в майке рваной,
С авоськой, рубль зажав в руке.
Сквозь дырку виден след от раны,
За орден, что на пиджаке.

И резкий запах неприятный
С авоськой за собой несет,
И модным дамам не понятно,
Как он неприбранным живет.

Глаза слезятся, по щетине
Слеза извилисто бежит,
Жена давно в сырой могиле,
Ему местечко сторожит.

Он зажился на этом свете,
Безродный и бесхозный дед,
Но каждый день в невесты метят
Те, у кого квартиры нет.

Придут, понюхают, посмотрят,
Про Бога вспомнят, а потом
Гневясь, нравоученьем морят:
«Квартиру... и под Детский дом!»

И негодующе уходят,
На весь ругаясь белый свет.
«Такого требует ухода!
За что? Квартиры даже нет».

Вот и живет один как может,
Вонючий, старый и больной,
А те, с благоговейной рожей
Иконы трогают рукой.

Но твердо знает дед дремучий,
Что в день, когда он вдруг умрет,
В детдоме выдадут пахучий,
Из свежих ягодок компот.

* * *

Вдоль дороги праздно и беспечно,
Я гулял с собакой. Поводок
Был слегка натянутым и вечно
Он меня куда-нибудь да влек.

То назад, то вправо или влево,
По дороге куролесил я.
Той порой навстречу вышла Дева,
Пуделя на привязи веда.

Быстро пудель понял обстановку,
Вкруг моей собаки заходил,
И напрыгнул сзади. Мне неловко,
Девушка зарделась, нету сил.

Я стою и ей невнятно мямлю,
Про инстинкты и переселенье Душ,
Красоту ее собаки славлю,
И хулю свою, мол, это чушь.

Все она прослушала без слова,
Стоя каблуками в глади луж,
Попросив: «Перескажите снова
Про переселенье наших душ!»

Дело в шляпе, снюхались собаки,
Дальше слышу я с открытым ртом:
«Отдалась я пуделю без драки,
Ты ж не полизал мне под хвостом!»

А вообще-то можно все исправить —
И пересказать, и повторить!
Так Душа желает на кровати
Снова об инстинктах говорить.

* * *

Река извечная струится
Передо мной, и в толще вод,
Сомам ленивым часто снится
Русалок дивный хоровод.

Они подсматривать всплывают
За ними только по ночам,
Когда сама луна играет
В их темных колдовских очах.

И видеть хочется им нежный,
Чуть ниже бедер дивный хвост,
Чешуйчатую свежесть кожи,
И им под стать и вес, и рост.

И терпкий, нежный запах тины,
Родной, заиленной реки,
Где круглосуточно гнут спины
За карасями рыбаки.

Но долго рыбьими глазами
Не проследить картины всей,
И вглубь уходят с образами
Они возлюбленной своей.

И снова будут ждать повтора
Того, что было и прошло.
Хоть это сбудется не скоро,
Но жить в мечтах так хорошо!

И только парень несмышленый,
Что из разряда «гнутых спин»,
Тем хороводом ослепленный,
Перекрестясь, прошепчет: «Сгинь!»

* * *

Летит по небу паутина,
Остановись и посмотри,
Такая редкая картина:
Полеты с паучком внутри.

Летят по небу самолеты,
И птицы всех мастей летят,
И пчелы, возвращаясь к сотам,
А птахи к гнездышкам опять.

Лишь самолет к аэродрому,
К какому назовут, летит,
Да паучок к любому дому
Пристать под крышу норовит.

Все остальные точно знают,
Как возвратиться, и опять,
Сбиваясь в стаи, улетают,
Чтоб к старым гнездам прилетать.

И только я совсем не знаю
Куда, да и зачем лечу,
Во снах своих всю жизнь летаю,
И приземляться не хочу,

Поскольку в точности уверен,
Дом без мечты мне не с руки.
Пусть окна, дымоходы, двери
Затянут напрочь — пауки.

Летят по небу паутины,
И их полетов не унять,
Чтобы скрепить всё воедино,
И этот дом своим назвать.

* * *

Что-то где-то случилось, меня беспокоит,
Святое наитие было не раз...
Если ночью душа плачет, рвется и стонет,
Значит, был наговор, приворот или сглаз.

Значит, кто-то пытается черной рукою
Повернуть мои помыслы светлые вспять,
Значит, это кого-нибудь беспокоит,
И зовут Сатану, чтоб меня обуздать.

Колдуны всех сортов, уж не раз прибегали
К этим фокусам давним, но есть одно но, —
Есть святое наитие, и едва ли
Им опутать меня своей сетью дано.

Лишь за черные книги их руки возьмутся,
Воззажжется полынь в полнолуния ночь,
И в молитве они от Христа отрекутся,
Силы тьмы призывая им в этом помочь.

Как предчувствие зла стиснет холодом душу,
Я сажусь у иконы старинной своей,
Прибавляю фитиль у лампы, чтоб лучше
Мне смотреть Самарянину в бездну очей.

И перстами вершу троекратно знаменье,
Крест мне в помощь и взгляд тех всеильных очей,
Слышу, сзади, шипя, расползаются змеи
Приговора и сглаза персоны моей.

И огнем запылает полынь наговора,
Ветер мщения книги листы разорвет,
И по опыту знаю — Его сила взора
Колдуна и волшебника силу убьет.

* * *

Остригли поле под нулевку,
Как новобранца на войну,
Взамен же выдали винтовку
Столба... и даже не одну.

Массив лесов укрыться дали,
Озер бинокль, смотрящий ввысь,
И птиц, разведчиков, послали —
Остерегут, как не крадись.

Но кто для поля нежеланный?
И кто врагом захочет стать?
Лишь только трактор окаянный,
Что только может остригать.

И к остальным, в любви живущим,
Оно не помышляет зла,
И к жилам серых троп живущих,
Творящих добрые дела.

И каждой птахе и полевке
Достаточно его тепла,
Столба упавшего винтовка
На бруствер брошена была.

Комары

Припиши мне убийство,
Как грех в «Книгу жизни».
Я на слабого поднял тяжелую длань.
Надо мной тишина, как пред бурей нависла,
Будто требует кто-то за грехи с меня дань,

Будто кто на меня вскинул мощную руку,
Точно так же как я, три секунды назад.
А кругом тишина, ни малейшего звука,
Да следы убиенных от крови горят.

Ну и что ж, что они мне всерьез докучают,
Я ведь тоже кому то не люб до поры,
Но меня небеса от невзгод защищают.
Кто же *их* защитит, коль они комары?

* * *

Одной чредой «Прощенных воскресений»,
Нам не простить друг друга никогда,
Как не простил себя Сергей Есенин,
Не дотерпев до Божьего суда.

Как Маяковский, выйдя за пределы
Разумного, достал свой пистолет,
Ему б простить себя, но в том и дело, —
Не смог, с грехом уйдя в расцвете лет,

А что Дантес? Ведь корень зла в прощенье,
А раз простить, так значит полюбить,
Не полюбил! И пуля во вращенье
В грудь Пушкина сумела угодить.

Да что перечислять, мы не простили
Высоцкого, Талькова, Шукшина.
Вся наша скорбь — исплакать на могиле,
Да высказать никчемные слова.

Давайте в Храм высокий и просторный
Когда-то соберемся и войдем,
И пред иконами святыми непритворно
Простим друг друга и в любви уйдем.

И каждого мы сможем успокоить,
И от любого зла огородить.
Давайте все прощать, ведь право стоит
Хотя б себя простить и полюбить.

* * *

Горячим солнцем опаленный,
Вперед стремящийся народ,
Желающий под сенью кленов
Передохнуть... и вновь вперед.

И загорелые Девы
Всем демонстрируют себя;
И чуть прикрывши ягодицы,
Бросают клич: «Люби меня!»

И их, конечно же, любят,
За кленами, на бережке,
Там, где плотву безумцы удят
В давно отравленной реке.

Там их тела освободятся
От всех одежд, и как всегда,
Им за возможность повлюбляться,
Детей растить — на все года.

И солнце в этом помогает,
Им согревая трав ковер,
А сверху потом истекает
На них случайный ухажер.

И что поделать, жизнь стремится
Вперед и Бога не виня,
Ведь женихов их, словно птица,
Склевала хищная Чечня.

* * *

Я увидел, что мне не давалось увидеть,
Что скрывала судьба от меня до поры,
Как «обиженный» в зоне — пытался обидеть
Пацана, что гулял средь честной детворы.

Сам калека, без ног, весь оплывший от жира,
Извращенец до страсти его возжелал,
И поганая кровь побежала по жилам,
И сумел заманить он ребенка в подвал.

Видел все я, из глаз моих брызнули слезы,
И плечом, что в горах прострелил мне душман,
Дверь подвала срываю, я слышал угрозы,
Детский плач, злую брань, да скрипящий диван.

Наконец я у цели, двойной подбородок
Мне мешает порвать вожделенный каддык,
Слышу, как на диване рыдает ребенок,
Вижу, как изо рта выпал синий язык.

Кровь с запястья смахнув, взял за руку мальчишку,
И на свет его вывел, где птицы поют,
И седины окрасили детскую стрижку,
Те, что людям по жизни лишь годы дают.

Как желал я подобных зверей ненавидеть,
Загатавливать плахи, точить топоры,
Мне удалось не случайно все это увидеть,
Сберегала Судьба этот крест до поры.

* * *

Красивая женщина, кто бы поспорил,
Красивая... — только не для меня.
Не то чтобы я с красотой повздорил,
Или в обиде она на меня.

Просто бесчисленные годы убили
Возможность и право владеть красотой,
Просто уста мои не долюбили,
В том лихолетье, где был молодой.

Вот все и сдвинулось, ровно на столько,
Сколько к кровати прикован лежал,
Сколько учился ходить рядом с койкой,
И костыли наготове держал.

И не однажды красивые женщины,
Те, что губили погибель мою,
Нимбом святым сверх косынок увенчаны,
В сердце входили и в душу мою.

И непременно я знал — буду с нею!
Сердце и руку всерьез предлагал,
Но узнавал, что, увы, не имею,
Шанса, что муж у нее — кто бы знал?!

Так и летело все кубарем с горки,
С юности пика, к подножью седин
Жизнь с костылями меня на задворки,
Злобно толкнула, и вот я один.

Даже не спорьте. Ведь женщины — чудо!
Милые, нежные, и сквозь загар
Бьются в висках две прожилочки Блуда,
Дар обольщения, юности дар.

К женскому вздоху, обтянутым батником,
Взглядом хмельным, как мальчишка стремлюсь,
Хоть назови меня старым развратником,
Я не обижусь, и не удивлюсь.

Да, я развратник, но лишь в сновидениях,
Что же поделать, ведь я не монах,
Но пребывая у женщин в забвении,
Мне не знаком одиночества страх.

Мордою в грудь мне уткнулась собака,
Верный комочек любви и тепла,
А канарейка, задорная птаха,
Дарит мелодики нежной слова.
Толстая книга в тугом переплете,
Ручка, готовая всем рассказать,
Как моим мыслям, в их вечном полете,
Мне помогает сама Божья Мать!

Собаке Роне, афганской борзой, 11 лет 5 месяцев

Мы с тобою простились, я струсил наверно,
Поберег свои нервы для жизни грядущей,
Подписал приговор тебе, преданной, верной,
Чтобы жить и молиться за Райские Кущи.

Из-под белых ресниц, карих глаз пониманье
Моих болей земных, сложность вечных проблем,
Я послал тебя кроткую, на закланье,
Ведь недужная старость обузою всем.

Я и сам, как и ты, жду, когда отрекутся
От седин и недугов, с кем вместе сейчас,
Но печаль об одном, — никогда не сойдутся
Вместе наши дороги, им уже не до нас.

Твое тело порубит машина на мыло,
Мое — скользкие черви изрешетят.
Но ведь было же это, когда то ведь было:
Резвый лай, детский смех в моем сердце звучат.

Вот и все, тебя нет, нет тепла, нет уюта,
В моей сирой квартире почернел потолок,
Лишь тоска, за кадык ухватившая люто,
И ненужный, в узлах, старый твой поводок.

Прокаженные

Там далеко, в таежных дебрях,
Где катит воды Енисей,
Живут помеченные лепрой,
Одной семьей, деревней всей.

Свои уродливые лица
По праву чтя за красоту.
Им выйти замуж иль женится,
Кровосмешением на роду

Написано судьбою твердо,
И вместе жить и умирать,
Рожать детей больных покорно,
Таких же, как отец и мать.

О них давно уже забыли,
Кругом на сотни верст тайга;
У них на хату по кобыле,
Могучая река, луга,

Зверья, пушнины, все в достатке,
И только не ленись, бери,
Но в каждой почерневшей хатке
Страдания на всех одни.

Случайный в тех краях охотник,
Ночлег разбивший у реки,
Увидел, как сшивают плотик
Лепроизные кержаки.

И старший, без ноздри и уха,
С неровной, редкой бородой,
Целует страшную старуху,
С одной единственной губой.

Бежать бы, но его собака
Разбредила тишину,
Был окружен он и от страха,
Ни шага не посмел шагнуть.

И позже, в старой деревушке,
Лишенного ножа, ствола,
Старшого страшная подружка,
Его в свою постель клала.

И тихо староста безухий
Читал молитвы у стены,
И грудь чешуйчатые руки,
Обняли страстные — жены.

Она судьбу благодарила,
Что род продолжен сам собой,
И по лицу его водила
Своей единственной губой.

* * *

Господь, за все меня прости!
Грехи мои неисчислимы,
И груз по жизни их нести
Тобой презренный, нечестивый,

Мне нету сил давным-давно,
Но ты меня не убиваешь.
Мне душно, тягостно, темно,
И ты конечно это знаешь,

Но не высвечиваешь путь
К спасению — и я блуждаю,
Понять пытаюсь жизни суть,
Все глубже, в бездну погружаюсь.

И зная грех, но все ж ропщу:
«Ты можешь все — спасти желая!»
Ведь здесь я только лишь гощу,
А там, лишенный царства Рая,

Приму мучения за все,
В чем помощь не обрел и сбился
С пути, и силой унесен,
Греховный к Аду обратился.

Но я ж крещеный и кричу,
В эфир, средь ночи или дня:
«О, как я в пламень не хочу,
Господь, прости за все меня!».

* * *

Ночь обнажила девственные звезды,
И перешла с моей душой на «ты»,
Прозрачный и прохлады полный воздух
Настроил мысль на дерзкие мечты.

И мне казалось, что я все сумею,
И предрешу, лишь стоит захотеть,
И в пасть копьё губительному змею
Вогнать с презреньем и не умереть.

И оседлать коня, и как Георгий,
Запечатленный на гербе Москвы,
Грозою быть и шабашей и оргий,
И жечь из зла и нечисти костры.

Меня на это осень вдохновила,
Меня на это сердца пыл подвиг,
Моя звезда вверху, как над могилой,
Чудесно воссияла в этот миг.

И я, блажен и телом и душою,
Над головою встал священный щит,
Который, мой приятель, нас с тобою
Во всех делах спасет и защитит!

Сам себе режиссер

Я режиссер себе конечно сам,
И жизнь свою живу не по оглядке.
Но вдруг как Данте в сумрачных лесах,
Я наступил на собственные пятки.

И мне не ясно, как теперь идти,
А главное куда? Увы, не знаю,
И мне на этом адовом пути
Никто со стороны не помогает.

И как упасть и где — мне не узнать,
Сценарий ясен, смутна режиссура.
Мне одного по жизни не понять,
Зачем я здесь, в лесу сыром и хмуром?

И жизнь наполовину не отснять,
На камеру небес, я понимаю,
Я режиссер себе, но как бы знать,
Зачем я сделать это все, желаю.

И всем смешно за все мои дела,
Паденья и преследование тени
Своей, что всех давно свела
С ума, на жестком стыке поколений.

* * *

Все дни меня терзала совесть,
С тех самых пор, как понял вдруг,
Что жизни повседневной повесть
Для всех прочитываю вслух!

В жилетку плачась монотонно,
Я все жалею и скорблю
(Пугая всех Армагеддоном),
Загубленную жизнь свою.

И нету проблеска надежды,
Из всей палитры красок мне
Доступен ночи цвет безбрежный,
Да алый цвет в кошмарном сне.

Зачем я всем пою печали,
И боль, и недуги свои,
И за оплывшими свечами
С самим собой веду бои,

Простым вопросом задаваясь,
Что в жизни лучшей доли нет?!
Нет красок, что переливаясь,
Собою украшают свет.

Да есть, бесспорно, и прекрасен
Их несказанно яркий цвет,
Но голос совести опасен,
И от него спасенья нет.

И он бесстрашно вопрошает:
«Тебе иллюзии важней?
Которые прожить мешают
Суровую реальность дней».

И возвратясь к строкам печальным,
Где я открытости стыжусь,
Я утверждаю: «Жизнь печальна,
Так всем известно будет пусть!»

* * *

Крепись, сынок! Соблазны не сломают
Твоей судьбы, им в жизнь не одолеть
Тебя со мной, кто злу не достигаем
И за тебя готовый умереть.

Им не сманить меня червонным золотом,
Не запугать не пулей, не ножом,
Я жив тобой и сказочно богатый
Самих небес священным багажом.

И всем, чем надо, мне они помогут,
И воспитать и выучить тебя,
И выйдешь ты на торную дорогу,
Со знаньем дел и смыслом Бытия.

Тебе подмоги той не постыдиться
Ни пред друзьями, ни перед собой.
Тогда мне можно будет удалиться
В небытие спокойною Душой.

Когда-нибудь, ты, пестующий чадо
Свое, как я, все это повторишь,
Не утрашившись мук земного Ада,
Его врагов молитвой устранишь.

И выйдет он на торную дорогу,
Собой доволен и тобою горд,
Он верный раб Божественного слова,
И враг бесчисленных Сатанинских орд.

* * *

Я знал, что нынче будет дождь,
Студеный, колкий, морозящий,
Не милый сердцу! Ну и что ж,
Я за мотив его пьянящий,

И за остуженную грудь,
До нитки вымокшую спину,
За всеобъемлющую грусть,
Осенней слякоти картину.

А то, что сердцу он не мил —
Так то мгновенье скоротечно,
Я под дождем секунду был,
А показалось, будто вечность!

Женька

Девочка, тебе двенадцать лет,
Но одета как-то не по-детски,
На губах помады яркий след,
Тела зримы женственные всплески.

Говоришь ты так, как не должна
(Будь дитя, иначе б говорила),
Кокетничаешь, будто ты жена,
И мужу припасти рога решила.

Мне рассказ о всем преподнесла, —
Мать пьянчужка, а отец в могиле,
Ты помогаешь тете и дела
У вас в торговле, в общем, неплохие.

И у меня спросила про доход,
И чем сейчас живу и чем торгую,
Тут покупатель к ней, и вещь «берет»,
Она вокруг «танцует» и «воркует»,

И деньги сжав в кулак, спешит уйти,
Бросает откровенный взгляд частенько,
И говорит: «Меня легко найти!
А как зовут? Да можно просто Женька».

И растворилась в пестроте толпы,
Полу-ребенок, с женскою сноровкой!
Но после в баре подпитые лбы,
Ее поили, может, газировкой?

* * *

В зеркальном отражении воды,
Твое изображение трепещет,
И волны лижут свежие следы
Твои. И дивный бисер мечут.

Они в тебя влюбились, как и я,
Как солнце, как беспутный ветер,
Как берега реки, леса, поля,
Как все вокруг тебя и вся на свете.

А ты, играя пепельной косой,
Вокруг себя природу оживляешь,
И стройной ножкой, розовой, босой
С речной волной безбоязно играешь.

И золотой загар, округлость плеч,
И грудь, что топик обтянул беспечно,
Кого угодно за собой увлечь
Способны в этой жизни скоротечной.

Года, века не в силах отобрать
Твою красу, она была и будет,
Она моя жена, сестра и мать,
И за нее я кулаком и грудью.

И кажется мне, что еще чуть-чуть,
И я, склонюсь к речным, рябщим струям,
Готовый грудью воздуха вдохнуть,
Пред неприлично долгим поцелуем.

* * *

Я приду, обязательно ждите,
Пока в небе безумствует тьма,
И луна зависает в зените
Среди звезд, посходивших с ума.

Пока ветер сырой и прохладный
Дышит в грудь, испарением рос,
И хрипит, задыхаясь в парадном,
Смрадный Бомж, кандидат на погост.

Все кладбищенским страхом объято,
Кое-где желтым глазом пятно,
Чьим-то разумом высшим понятно,
Запалило высотки окно.

И вдоль улиц бесчинствуют стаи
Одичавших, бродячих собак,
И от их истеричного лая
Наплывает и плещется страх.

Где-то там за рекой злые птицы,
Вздохи филина, грай воронья,
Им добыча кровавая снится,
С перегрызенной глоткой свинья.

И не факт, что хозяин — волчица,
И не заяц трепещет в крови,
Им бы плотью ее насладиться,
В неумной и хищной любви.

Вот когда мое время приходит,
Когда боль от ранения рвет
Мою плоть. И с ума меня сводит,
И на хищные тропы зовет.

Здесь я свой, кто безумного тронет?
Нет зубов, есть кастет и стилет,
И вдоль улиц ночных меня гонит
Запах смерти, всех прожитых лет!

Кровосмешение

Мне не нужна ничья сестра,
Ничьих родителей ребенок,
Моя любовь к одной остра,
К той, что я пестую с пеленок.

Красы ее не замолчать,
Ничьим желанием гонимым,
Она моя сестра! И мать
С отцом у нас едины.

Я любовался ей давно, —
Разрыв в рождении три года —
Ревниво занавешивал окно,
Ласкал и гладил в непогоду.

И видел, — припухла грудь
И бедра наливались женской силой,
И я ее просил о чем-нибудь,
И все она безропотно сносила.

И я считал ее своей женой!
А кем она меня считала?
Когда, богатая мечтой,
Тому богатству отказала?

И только ночь вступала в мощь,
Ко мне тихонько пробиралась,
И я старался ей помочь,
Но и она всю старалась.

И вскоре дом наш посетил
Младенца крик и все такое...
Мой сын! Как сладостно я жил!
С тех пор под грешною Луною.

Никто не знает наш секрет,
Легенда — крошка... от кого-то,
Но благостней сознания нет:
Ребенок — наша с ней работа!

* * *

Солнце брызжет в холод дней осенних,
Небосвод лазурный светел, чист,
По земле уснувшей выются тени
Листьев. Под шального ветра свист.

И деревья, словно девки голые,
Сбросивши одежды у реки,
В ужасе обхватывают головы,
И стенают солнцу вопреки.

По бесстыдству этого поступка
По неотвратимости его,
Это ветру хлесткому уступка,
Ведь хлопочет осень за него.

Некуда им, бедненьким, податься,
Не укрыться им ни от кого,
Волен каждый в каждую влюбляться,
Не суля взамен им ничего.

Остается, вскинув руки к небу,
Им молить пришествия зимы,
И одежды белые из снега
На себя накинуть до весны.

Гладь воды, остуженная ветром,
Зарябила, с пеною у рта,
Каждым обожженным ее метром,
Черные застыли берега.

Меценат

А я бутылки собираю,
Не прячась. Право же, смешно
Стыдиться ехать на трамвае
Бесплатно, вольно, хорошо.

Взамен букашки-«автолайны»,
Где с горем пополам сидишь,
И видишь сталь путей трамвайных,
Прокатывая весь «барыш»,

Который сделал на бутылках,
И где попало там и тут,
Лежат в кустах, светясь ухмылкой,
И ждут, когда их подберут.

Я их давно уж собираю,
Поди уж лет под двадцать пять,
Без устали всем объясняя,
Что книгу надо мне издать!

Что все сейчас чего-то стоит!
Что впереди еще конец,
И днями я бутылки мою,
Чтоб книгой наслаждался чтец!

* * *

Спилили дерево под осень,
Кому мешало? Кабы знать...
Одна береза среди сосен, —
Нет, чтоб беречь и охранять,

А эту взяли и спилили.
Возможно, думалось кому,
Что пень, сидящий на могиле, —
Стул, чтобы жечь ее саму

И печь душистую картошку,
И выпивать и отдыхать,
Уху зачерпывая ложкой,
У речки время коротать,

Поглядывая переметы.
А может вовсе незачем,
И смерть ее — вора работа,
Что только промышляет тем.

Сижу на спиленном пенечке,
Гадая тайны бытия,
Печали в сердце не тая:
Пересеклись на этой точке
Судьба березы и моя.

* * *

Как мне зябко на природе,
Как мне холодно в дому,
Видно осень злая ходит,
По пятам за мной — находит
И мне страшно одному.

* * *

Мне в редакции местной газеты
Отказались печатать стихи —
Мол, в строках нету веры и света,
И, по правде, они далеки
От той планки, что можно печатать
На страницах районного СМИ.
Предложили любезно «посватать»
Их туда, где возможны они.

И припомнить сейчас уже сложно,
Как тогда назывался завод,
Где «ни веры, ни света», возможны,
И где «планка» меня не убьет.
С той поры лет изрядно минуло,
Я ушел со стихами в Москву,
Где редакторы «смертное дуло»
Не прикладывали к виску.

* * *

Ой, вы девочки мои,
Туфельки, да бантики,
Дремлют в рощах соловьи,
Как в кустах десантники.

Ждут, когда придете к ним,
Лифчики, да трусики,
Речка станет, как Гольфстрим,
Оживут и кустики.

Разольется трель окрест,
Юбочки, да губочки.
Целовать нательный крест
Ваш черед, голубушки.

Вам тяжелой стать и быть,
Гольфики, колготочки,
Надлежит кого винить,
Кустики, да стопочки.

* * *

Пни да коряги, да желтые листья,
Высохших трав частокол,
Будто бы кто-то безрадостной кистью
Вымазал холст, да ушел.

А на холсте том печали картина,
Создана в худший момент,
С самых времен сотворения мира
Черных реалий фрагмент.

И ни один из людей не узнает,
Чей торжествующий клич
Перед глазами у них угасает,
Цели не смогший достичь.

Что как ни странно бессменное лето,
Все остальное пустяк,
Райские кущи просили об этом,
Он же все сделал не так.

Ровно был старец или безбожник,
Трудно об этом нам знать,
Верно лишь то, что призваньем художник
Гения кисти под стать,

Только он больше был, тоньше, мудрее,
Ведал он холод и жар,
И его кисть плотной охрой в аллеях
Высечет искрой пожар.

Все запылает, осядет на землю
Около пней да коряг,
И, мудрой кисти художника внемля,
Лягут снега на полях.

* * *

Сотвори меня Боже по подобию собаки,
Чтобы жизнь по инстинктам своим вековать,
Чтобы жил я, ласкаясь в предчувствии драки,
А руке чужака не давал приласкать!

Сотвори же меня хоть улиткой, хоть птахой —
Все равно ты вложил бы защиту в меня, —
Прятать тело в свой панцирь в присутствии страха,
И взлетать в вязкий воздух, крылами звеня.

Но зачем ты меня беззащитного бросил
Коротать на Земле, что отмерено мне,
По подобию себя! И вселенская осень
Крест сплетает на спину некрепкую мне.

И мне нечем прогнать тех, что вечно глумятся
И над плотью моей, и души не щадят!
Сильный может над слабым всегда насмеяться.
И в каком же мне панцире спрятать себя?!

И где взять те крыла, чтоб вспорхнуть и умчаться
К высшей точке небес, в их бескрайний простор?
Хоть глумливцев число велико, но боятся
И когтей и клыков. Их озлобленный взор

На таких устремляется, в поисках слабых,
Кто готов подставлять им щеку за щекой.
Я готов пренебречь даже думой о Главном
Нашей встречи, что может быть будет с тобой.

И не грамма хулы в моих мыслях и Гнева,
Просто думаю, жизнь недостойна моя
После смерти вкушать благодатного хлеба,
А достойна лишь ада, смолы и огня.

Сотвори меня Боже, по подобию собаки,
Но с душой Человека и сердцем его,
Я б зализывал раны ему после драки
С той толпой, где все против его одного!

* * *

Заходи! Снимай с себя пальто,
Шляпу вешай на зеркала угол,
Вот и тапочки в дырах, что служат давно,
Самой крепкой ноге в них не туго.

Забирайся на кресло с обивкой в цветок,
Время есть, сбалансируй дыхание,
Ты пришел отдохнуть от сует в уголок,
Где спокойствие против метаний.

Вот и чашка, а в ней согревающий чай,
Со старинной, серебряной ложкой.
Пей его, думай думы, сколь можешь мечтай,
Здесь тепло, бьется холод в окошко.

Для чего ты пришел, ты расскажешь потом, —
Все не главное, я понимаю,
Ведь наличие тапочек, кресла и дом,
Как стакан ароматного чая.

И не зря я живу в этот нужный момент,
За светящимся желтым окошком,
В теплой чашке растают твои сонмы бед,
Под напевы серебряной ложки!

* * *

Шариком рыжим, в зеленые лапы
Ели упал воробей.
Лапами снег разгребал и царапал
Клювом шершавость ветвей,

Перья вспушив, невесомым комочком,
С ватой снега сродни,
По воробьиному что-то пророчил
Про близлежащие дни,

И посекундно вокруг озираясь,
Чего-то с опаскою ждал.
Вдруг наши взгляды на миг повстречались,
И мой пернатый пропал.

Мне из тепла созерцать эту сцену,
С миром живя не в ладу,
Страшно! Со смертью мой взгляд непременно
Встретится, мне на беду.

* * *

Мой друг подавился икрой осетровой —
Богатство в могилу свело.
В дубовом гробу к глубине двухметровой
Останки привыкли давно.

И ждет он родительские субботы,
Чтоб знать, кто к могиле придет,
Чего разопьют, чем закусят, — забота
Покоя ему не дает.

А вдруг его женушка, в смелой раскраске,
С «бойфрендом» нарушит покой,
И водку «Смирновскую», — будто бы в сказке —
С помином закусят икрой.

Не сможет покойничек вытерпеть это,
И кости забьются о дуб.
Но ходит лишь мать к нему, в траур одета,
Гоня крошки хлебные с губ!

* * *

Я, по счастью, не всем досаждать предназначен,
Берегут их без страха судьба со звездой.
Кто коснется меня, непременно заплачет
Неуемною, тяжкою, горькой слезой.

А коснутся меня рукавом или взглядом
Так нетрудно, в том есть черных сил наговор,
И любой захлебнется неистовым ядом
Незнакомых страданий ему до сих пор.

Будет слышать, не слушав, и видеть, не видевав,
По законам каким меня выудил Ад,
И какой геометрией, внемля Эвклиду,
Я навек уничтожил души его сад.

Но жива Божья сила в изгнаннике рока,
Аккуратно хожу, запечатав уста,
Глаз не мыслю поднять, изувечив до срока
Чьи-то души, что с чистого взяты листа.

* * *

Обернув полотенцем голову,
Грудь прикрыв полотном простыни,
Ты стремительно падаешь голая,
На кровать, чтобы быть у стены.

И смешно тебе здесь и вольготно,
Влажный волос подушки укрыв,
Грудь ко мне прижимается плотно,
Сколь в руках достает тебе сил.

И дыханье смешав, губы жадно
В поцелуй заключили уста,
Ты владеешь мной. Много ли надо,
Коль любовь твоя снежно чиста?

И обмякшую, полусонную,
Не тревожу Богиню красоты,
Вспоминая горячими стонами
Те заполненные часы.

Смоль волос, бархатистые плечи,
Ярких губ обжигающий сок,
Догорают в подсвечнике свечи,
Ночь крадет на виске завиток.

* * *

Я еще с армейской службы
Приобрел на то ответ,
Если спросят: «Что не нужен...
Женщинам на склоне лет?!»

Слушай в оба, отвечаю:
«Я, что мина за бортом,
Встретят, нежно приласкают, —
Я любой украшу дом;

Коль собакою залают,
Затолкают, запинают, —
То взорвусь я, все сметая,
Что останется потом?»

**«И НОВЫЙ ДЕНЬ
МНЕ ЧУВСТВА БУДОРАЖИТ»
(2000 — 2002)**

* * *

Рену

Я настроен на мир и общенье,
Но лишь только в квартиру шагну,
Как наверно само провиденье,
Объявляет мне свыше войну,

И я снова судьбой атакован,
Получая ранения в грудь,
В душу, сердце! И в стоне спрессован
Мой к кровати отмеренный путь,

И собака, меня понимая,
Лижет слезы с не выбритых щек,
И добить меня не подпускает
Грозным лаем, хотя и щенок!

* * *

Причем моя порядочность, на деле —
Она мне не нужна и тяготит.
Мои желанья! И в душе и в теле,
Бесстыдство ярким пламенем горит,

И не едва. Всё больше разгораясь,
На женщин падким прочно становлюсь,
Не деланно ухаживать пытаюсь,
И от любви возможной не таюсь.

И я, знаток и практик Камасутры,
Все отдаю... и все беру взамен,
Ночь на исходе, в окна входит утро
И стоны сладости на совести у стен.

И новый день мне чувства будоражит,
И вновь меня влечет всемерно к той,
Что и на «здравствуй» не ответив даже,
Воскликнет: «Что за ночь была с тобой!»

* * *

Вчера в соседнем номере
И музыка и смех, —
Меня со мной поссорили,
Что есть великий Грех!

Ведь я есть нечто целое
(Так заповедал Бог),
А тут, с Душой и Телом я
Бранился, сколько мог.

Меня в твой номер силились
Они переманить.
Во что все это вылилось?
Кто б мог предположить!

Не званным, в дверь дубовую
Решительно шагнул,
И парочку любовную
С кровати прочь спугнул.

И разум долго матерно
Во всем меня винил,
Я ж, кровь стирая скатертью,
Себя с собой мирил!

* * *

Что есть судьба, критерий Зла?
Что зиждется на наказаньи,
В той жизни, что и так мала,
Чтоб жить всенощно в оправданьи,

Того, что вряд ли это Зло
Тебе назначено по праву,
И что кому-то повезло,
Кто вылил в рот Судьбе отраву.

И песнь печальная встает,
До неба, от сырых расщелин,
И знаешь ты! Судьба умрет,
От ядовитых угощений.

Но коль она Судьба твоя,
И ты умрешь совместно с нею,
И Злость по самые края
Твою гортань залить сумеет.

Так значит все-таки Судьба!
Бесчестна! Лжива! И Блудлива!
И коротка, как та мольба,
Что с губ слетает над могилой!

* * *

Опьяненный восторженной мыслью,
Что меня занимает с утра,
Я повадку используя лисью,
Свою Еву творю из ребра.

Мне Адам совершенно не нужен,
Мудрость ребер моих сверх края,
Ведь Адам это я и надкушен
Райский плод, что предложит Змея,

Или Змей — ее пол не отчетлив,
Соблазнить может он и она.
В картах вечных планет звездочета
Лишь указана Божья страна.

Ну а здесь, на Земле, разворочив
Себе грудь по изъятью ребра,
Я красивую девушку очень
Смастерил для любви и добра.

И она для меня расстаралась,
Распустила густую косу,
Веселила меня, улыбалась
И мою восхваляла красу.

Но минуты летели мгновенно,
Только-только ее приласкал,
Вижу плешь, что с собой неизменно
По блудливым молодкам таскал,

Зацвела на затылке творенья
Моего! Для любви и Добра,
Не рискуйте свои увлеченья
Делать сами из тверди ребра.

* * *

Грешен, выудил средь столкновений,
Что идут череда чередой,
Ту, что станет героем творений
Моей мысли безумной, шальной.

И ее как богиню восславлю
И не дам обижать никому.
Воск судьбы на огарке я плавлю,
Чтоб обжечься себе самому,

И округлости бедер касаясь,
И волос ощущая угар,
Сердцем я о фитиль обжигаясь
И в Душе возжигаю пожар.

* * *

Скрипел декабрь, озлясь, зубами, промороженный
И снежный наст под каблуком охрип,
Крича в немую высь так ладно сложенный
Мотив зимы, как озорства Олимп.

И всюду скрип да скрип, и всюду треск да стоны,
Озябших деревьев в стволах дробится сок,
Ничто не в силах отменить законы
Мороза, нарастающего в срок.

Все скорчилось, оинелось, ссутулилось,
Все замерло и каждый ждет черед,
Чтоб, Боже упаси, к нему не сунулась
Седая стужа, что тепло убьет.

Но я сижу раздетый и поруганный
Самой судьбой! У входа в свой подъезд,
Держась за свежий, из сосны, оструганный
От всех на свете бед — хранящий крест.

* * *

Когда проснусь и солнышко увижу,
И ущипнув себя, почую боль, —
Так значит жив! — и пес домашний лижет
Ночных кошмарных слез немую соль.

Они текли среди седой щетины
Под стон и плачи сердца — без утех,
Лишь только мне являлись те личины
Согбенных ведъм. Из под прикрытых век

Их путь не долог был, не бесконечен,
Подушек их сушил пуховый ком,
Который влагою отмечен,
И высыхает желтым озерком.

Да вечный страж мой, что не спит ночами
И напрягая зренье, что-то ждет,
Ползет ко мне, чтобы слизать печали,
Оскалив пасть и подобрал живот.

И крупной лапой шею обнимает,
И морду на лицо мое кладет,
И все в одну минуту исчезает, —
Лишь наяву испарина и пот.

* * *

Ночь за окном беспечно дремлет,
Роня звездный свет на снег,
Она другому миру внемлет,
Чья высь ей дом, ее ночлег.

И ждет ту пору и боится,
Когда рассвет прогонит тьму,
Она взлетает, чтоб разбиться
В мирах, где место есть всему.

И смотрит солнца диск всходящий
На убегающую тень
Прошедшей ночи, бередящей —
Тоски щемящей груз на день.

И если сила есть, забудешь
Часы не-сна на краткий миг,
Но как погаснет день, пригубишь
Ты яд бессонниц всех своих,

И в ожиданьи сумасшествия
Другая ночь уже пройдет,
И сам Христос во ад сошествие,
Бесспорно, совершить придет.

И разглядит и пожалеет
Твои мученья, может быть;
Наполнит музыкой Орфея
Твоих страданий страшный быт.

И ты заметишь, засыпая,
Что звезды все тусклей горят,
И не увидишь, что светает...
И день проспишь!.. И ночь опять.

И встав наутро посвежевший,
Уже без страха встретишь ночь,
И млечный путь, что поседевшим
По небосклону сходит прочь.

И радость всем! Переливаясь,
На небе встал парад планет,
Нет сил восславить все — слипаясь,
У век подняться сил уж нет.

* * *

Вчера ко мне зашел товарищ,
В чинах полковничьих — холён,
Боец кровавых всех ристалищ,
Нисколь войной не опален.

Поудивлялся на жилище,
Что выдавало нищету,
Спросил: «Не трудно ли, дружище,
Тебе, на пенсию одну?»

Я не смутился и ответил:
Все б ничего... Да, денег нет,
Но есть важней всего на свете
Призвание. Ведь я — Поэт.

И это все мне заменяет.
Всех Мира благ не променять
За то, что сердце улетает,
Чтобы в моих строках летать.

Он удивился и с прохладцей
Читать стихи меня просил.
И я читал под гром оваций,
Под пулемет, что рядом бил,

Под стон и собственные слезы,
Что было силы, все читал...
И замолчал. Вдруг слышу грозный
Вопрос: «Так что же ты молчал!

Дай мне свой сборник, я-то знаю
Кому его мне показать!»
«Зачем? — угрюмо отвечаю. —
Нет денег, чтоб его издать».

Товарищ, не сказав ни слова
Мне, без восторга и хулы,
Отдал, что было золотого —
Часы! — презент Наджибуллы!

Рождество

А за окном мороз январский
К стеклу кристалликами льда
Прильнул! Седой щекой по-братски,
И заморозил навсегда.

И из тепла квартир взирая,
Заметят люди колдовство
Стекол, узорчатых по краю,
Поющих Божье Рождество.

Оно занесено метелью,
Под каждый ждущий его кров,
И нынче Божьей колыбелью
Похвастаться любой готов.

Что наконец-то прибавленье
В семье любого из людей,
И это все не наважденье,
Не блажь мифических идей.

Из колыбели в жизнь восходит,
Божественное естество,
И силы мрака зубы сводят,
Христа встречая рождество,

И к колыбели все семейство,
Земное! Празднует пути,
Как к яслям, где свершилось действо,
Припали в полночь пастухи!

* * *

Ну вот уже и святки на дворе,
И на носу крещенские морозы,
Как много Божьих дат в календаре,
Поэзии Души на фоне прозы,

И все сошлось в студеном январе.
Пол-месяца нам числа чтить святые,
Читать и петь молитвы на заре,
И прославлять рождение Мессии.

Слова блаженства на ночь повторять,
О вечных, светлых водах Иордана,
Что оставляли на челе печать
Крещения, руками Иоанна,

И день за днем все то переживать,
Что сеет Духа радость и величье.
И лишь добра от тягот жизни ждать,
Сомнений и неверия в отличие!

* * *

Я хожу через боль и лежу через боль,
В жизни боль до конца перемешана,
Стоит ей отступить, но — кровавая соль —
И обыденность вновь с болью смешана.

Я режу слова, словно скальпелем плоть,
Вживую, без анестезии,
Новокаин бесполезно колоть
Рожденным от боли России.

Конечно, рождаются в муках. Ну что ж,
Поверьте, кому их не жалко.
Всем хочется знать, сколь в руках моих нож
Острее, чем гвоздь или палка.

И вот они, жданные мною слова,
Отличие их сразу заметно:
Слетает с отчаянных плеч голова
И болью сочится несметной,

И в ссадинах пальцы, в надрезах спина,
И вырвано сердце... Что будет?
Вам в новом миллениуме — слова!
Вам в дне назревающем — люди!

А скальпель работает — слово и кровь
Для всех неподдельно сроднились.
С колен поднялся!.. Окровавлена плоть...
Мой слог, с кем мы напрочь ужились.

* * *

*После операций — туалет
Вокруг меня сумасшедшие люди,
Они утверждают, что знают, что такое
Истинное наслаждение.*

Из диалога

От палаты до клозета
Метров десять — и то нет.
Но мечта! Себя с газетой
Запереть в тот туалет,

Расстегнуть штаны пошире,
Чтобы было не тесно,
И отдаться в том сортире
Естеству, что не грешно.

И пускай молотят в двери,
И кричат, что идиот,
Я же сам себе поверил,
Что дойду! Дошел! И вот!

* * *

Дожди секли заснеженные дали
И белой дымкой полнилась Земля.
Была зима, и все конечно знали,
Случаен нынче столбик сверх нуля.

Но, черт возьми! Весну напоминали
И талые снега, и запах их,
И содрогнувшись, у окон стояли
В предчувствии: «Невеста и жених!»

Их разлучали месяцы — не годы,
Оговорен давно заветный срок,
Но что-то там случилось у погоды —
И сердце по груди, как зверек.
А дождь ручьи по стеклам лил кривые,
Стучался в их жилище, сколько мог,
Потом иссяк — и снова молодые
На грудь свою накинули замок.

И только снег, поруганный изменой
Им с верхних этажей напоминал,
Что это первый признак перемены
Того, что Май счастливый нагадал.

* * *

В будний день, в студеное поле
Я выгуливаю пса, —
Он щенок еще и волен
Удивляться чудесам.

Вот вспорхнула в небо птичка,
И в деревню, за рекой
Взвился он стрелой. На кличку
Нет надежды никакой.

И кричишь ему и свищешь,
И ругаешь на чем свет,
Но щенок добычу ищет,
И важнее дела нет.

Наконец поняв, что точно
Он добычу потерял,
Обернулся он, но точкой
Для него я в поле стал.

И едва знакомый голос
Он слышал, так снова,
Растрепавши рыжий волос,
Снег утюжит голова.

И ко мне упав под ноги,
Мой четвероногий друг,
Дал одеть ошейник «строгий»,
Выдавая свой испуг!

* * *

Как мне больно и обидно
На тебя смотреть, родная.
Твоя доля незавидна,
Твоя доля не такая.

Моему уразуменью
В ходе жизни предстает —
Мы с тобой цепочки звенья,
Что священный крест несет

На худом, немытом теле
Инок, странствующий в Даль.
Нам пуховые постели,
Надобны, а не печаль.

Но ты веруешь в Аллаха,
Я же возлюбил Христа,
Вы убили мою сваху!
Свата сбросили с моста,

Коням взрезали гортани,
А икону — под сапог.
Скажешь, был тогда он с Вами,
Этот ваш всеильный Бог?

А тебя кому отдали?!
Аж четвертою женой,
От того живет в печали
Мое сердце, разум мой,

И мне можно лишь молиться,
И Христа о том просить,
Что не дал мне удавиться,
Ибо грех себя убить!

* * *

Ходит комнатами воздух,
Ходят ходики в тиши,
Ходят, принимая позы
Топ-модели — хороши!

Их завидные походки,
Всех, что перечислил я,
Только сердце ходит ходко
По грудице, как змея.

Его кто-то да ужалил,
И оно болит, болит,
И бежит вне всяких правил,
Задыхаясь, но бежит.

Ходит комнатами воздух,
Ходят ходики в тиши,
У меня, почивши в Бозе,
Сердце больше не спешит.

* * *

Залижи мне, Рен, все раны,
Что судьба преподнесла,
Твой язык владеет странной
Силой «темного» посла.

Где еще совсем недавно,
Кровь стекала со спины,
Я учуял символ главный,
Как печать от Сатаны.

И глаза твои сияют
Светом ночи напролет,
Ты не спишь, и это знают
Те, кто сыпать соль придет

На зализанные раны
Разворванной судьбы.
Приложи, мой лекарь странный,
Зубы к плоти их мольбы.

Может быть, я жить останусь,
Но храни меня, храни,
Ведь хранить такая малость
Плоть от жадных губ Земли.

Образок

И в путь возьми, и дома он сгодится
Пресветлый лик — картоночки кусок,
Он словно Ангел, могущий присниться,
Вполне реальный Божий образок.

Над ликом нимб сияет лучезарный,
На нем оклад эмалевый, сканной,
А продают его почти что даром,
Ведь весь удел — ...картоночки цветной.

Но в том ли смысл, на чем сама икона,
И что за мастер? И каков мазок?
Все дело в том, что именем закона
И Духа равен злату образок.

И попроси его о чем желаешь,
Он может все за слезы твои дать,
И важно верить в то, чем обладаешь,
Тогда познаешь слово Благодать.

И утром отправляясь в путь-дорогу,
Опасную, как грозный марш-бросок,
Остановись! И помолись на строго
Смотрящий в Душу Божий образок!

Колдунья

Тайга просыпалась, но птицы лесные,
Не пели в заснеженных лапах ветвей.
В одной из избенок, колдуньи родные
В прискорбье склонились над ней,

Неистовым страхом глаза их горели,
Все ждали, когда же, когда
Душа отлетит под высокие ели,
Где ухает в ночи сова?

И каждому было из них все понятно,
Кто связан был с силами тьмы,
Кто Бога не знал, но знаком, вероятно
С приспешниками Сатаны.

Но тут вдруг колдунья на локоть привстала,
И руку к родным поведя,
Как раненый зверь от одра простонала:
«Примите сей дар от меня!!!»

Навстречу никто ей не вытянул руку,
Конец! И призвав Сатану,
Проклятье на род наложила старуха,
Из Душ не щадя не одну!

* * *

Приручи к себе собаку
Не куском и не кнутом.
Кнут — потатчик боли, страха,
Хлеб — попытка с животом

Обыграть любовь слепую
И сказать: «Смотри — хорош!»
Он монету золотую
По команде чтит за грош.

И всего-то полконфетки
Дай и верен будет пес,
От старухи до нимфетки,
Возле них нести свой пост.

А когда конфетки нету?
И тем более кнута?
Ходит пес за тем, кто свету
Был не нужен никогда.

Был не нужен жарким летом,
Был не нужен в холода,
Бомж, в рваньё и грязь одетый —
С псом голодным, как всегда.

И в подъезде засыпая
Рядом с мусорной трубой,
Пса голодного ласкает,
Он чесоточной рукой.

Но средь ночи вой поднялся
(Что в унынье всех поверг):
Там, у мусорки скончался,
Бывший щедрый человек,

И к прибывшей труповозке
Пес доверчивей не стал,
К телу с ликом цвета воска
Никого не подпускал.

* * *

Стол накрыт и бутылки расставлены
Самогона на глади холста,
В чаде свеч, за прикрытыми ставнями,
Веселилась и пела изба.

И хозяйка, укрытая шалью
Дорогой, расписной, шерстяной,
У народа вольготною, шалою
И ничьею считалась женой,

И ребенок ее, безотцовщина,
В темной комнатке мирно дремал,
И что в доме его поножовщина,
Ежедневная, вовсе не знал.

Молодуха танцует, старается
Добру молодцу угодить,
В комнатенке лежит, надрывается
Ее сын, что от шума не спит.

Не доволен чубатый и сильный
Мужичок. Для которого та
Молодуха стучала обильно
Каблуками, как тать в ворота.

Юбки бросив подол и решительно,
Мать к кричащему сыну вошла,
И в угаре хмельном упоительном
Горло сына руками нашла

И сдавила со злостью — лишь слабенький
Из под пальцев слышался хруст.
Она вышла к гостям: «Ну-ка — бабоньки!
Наливайте «лафетник», коль пуст».

«Наконец ты его успокоила!», —
Подобревший чубатый сказал.
Опрокинув налитое пойло,
Он обнявши ее целовал.

А в углу небольшой комнатенки,
Средь лоскутных худых одеял
С окровавленным ртом пацаненок —
Без движенья убитым лежал.

* * *

Февраль! За окнами темно,
И время близится к рассвету,
А я не сплю: давным-давно
Не видел я картину эту.

Как ночь испуганно и зло
Сквозь шторы скалится упрямо,
Хоть ей, как то заведено,
Жить остается очень мало.

И первый смелый света блик
Прогонит от окон плутовку.
И ввысь взовьется птичий крик,
И нехотя свою обновку

Из снега тратят деревья,
Опять цинично почернеют.
Зима она всегда права,
И тело обнажать умеет

Того, что кутала вчера,
В одежды белые из снега.
И ветер, словно флюгера
Трепещут! Альфа и Омега.

Такой разброс ее затей
И таковы ее подарки,
Зима лишь для себя злодей
И снега поцелуи жарко

Печатают на лист стекла
Свои прощальные приветы,
И вниз слезою истекла
Одна, еще одна примета.

И долгожданный этот срок
Пробил. И ночь была убита
Посредством этих скромных строк
И света в стадии Зенита.

* * *

Вчера судьба мне нагадала
Забыть про все, чем жил свой век:
Как и чего казалось мало,
И что давалось без помех,

Забыть я должен был без боли
Чреду бесправную потерь,
И как меня держал в неволе
Никчемных страхов страшный зверь.

И я, в уме предполагая,
Посредством сна, увы, забыл.
Но есть во снах черта такая, —
Сбываться, хоть и сон не мил.

И все детально вспоминая,
Я вспомнил — ужас забытья.
Неужто мне звезда такая,
Не помнить собственного — «Я»?

И утром мне казался странным
Кошмар, привидевшейся мне,
И я с любовью гладил раны,
Что выпали мне по судьбе.

* * *

Мне страшно в зеркало глядеть,
В нем отражение печально, —
Старик, ногой в Земле на треть,
Мне видится первоначально.

И на меня глядит отец,
С годами он и я едины,
Но мне полвека, и — юнец
В сравненьи с ним я. Лишь седины

Мне возраст этот придают,
И череп, гладкий как колено,
И сырой быт. Мне здесь приют,
И я отцу живая смена.

И я на образ свой крещусь,
И все прошу самозабвенно
Того, кто там — печаль и грусть
Сейчас отвергнуть непременно.

Но я не Бог, и образ мой
Не хочет пропадать задаром,
На треть в Земле — одной ногой,
Я жив, хотя и очень старый.

* * *

Сквозь сон ловлю дыханье сердца,
Которым так любить стремлюсь,
Христианина, иноверца,
И всех, кому возможно снюсь,

Сам между тем обуреваем
Желанием скорей уснуть.
Сны машут крыльями, и стайей
Мою выманивают суть.

Что я люблю Аллаха, Будду,
Христа — объемля всё и вся.
Я засыпаю, право будет,
Чем удивиться вам, друзья!

* * *

От стаффордшира и овчарки
Мой рыжий пес по кличке Рен.
Его щенячьи подарки,
Наличие тапочных проблем —

Откуда знать ему, что «стая»
Не жаждет на ногах рвань?
И каждый член ее пугает
Его командами: «Нельзя!»

И с горя он, уткнув в подушку
Свой влажный, чуткий, черный нос,
Исподтишка, как плоть игрушки,
Овчарочий кусает хвост!

* * *

Укроти мои боли, всевидящий Авва,
Облеки мою Душу в священный полог,
Что б воспел я тебе благодатную славу,
На предмет исцеленья ее из оков.

Те, что взяли в полон ее в темные сроки,
Когда зло и ножи полыхали у глаз.
И стремясь преподать для нее Те уроки,
Восхищаясь тобою, впадали в экстаз.

Я все более с ними сползал к преисподней,
Повседневность тащила куда-то меня,
Но означился срок, и стою я в исподнем,
Пред иконой, свой взор обратив на тебя.

И тебя не достойный окликивать: «Авва!»,
Стер колени до крови, моля и прося,
Не отринь от ушей своих оклик кровавый,
И спаси мою Душу, как спас всё и вся!

* * *

Сижу у больничной церквушки
И слышу, как где-то вдали
Под солнцем седые старушки
Медвяно поют тропари.

И кажется мне все так мило,
И следом за хором пою,
Как будто бы церковь открыла
В притворе мне Душу свою!

* * *

Прекрасное утро. Лето.
Распахнуто в мир окно,
Солнцем до жженья нагрето
Больничной пижамы сукно.

Сидят обреченные люди,
И смотрят «незряче» на Свет,
Ни в ком из них не разбудит
Улыбку ребяческий смех,
Что слышится с теплой лужайки,
Где местная детвора
Твердила без всякой утайки,
Что «им умирать пора».

* * *

Конец войны! Какой? — Не помню.
Наверно, не было конца,
Когда по времени за полдень
Я сел за штатного писца,

Писать слова о прошлых войнах
И о теперешних не вдруг.
В холодных штабелях «покойных»
Витал истерзанный мой Дух,

И ясно слышал канонаду
И мерный пулеметный тук.
Все слышал это! И не надо
Ничем обманывать мой слух.

И тело жег осколок минный
И кровь сочилась из ушей,
Контуженый, среди долины
Я лег под острие ножей.

Но это в мыслях, а на деле
Я все доподлинно писать
Имею право! Не забелишь
Войны страдальческую статью.

И каждый должен знать и слышать,
На войны Русь обречена.
И снова на ухо мне дышит
Уже грядущая война.

* * *

Ну что ж, я согласен даже на это —
Пусть другом меня кто-нибудь назовет,
Но только не надо смотреть сверх газеты,
Как Света моя — мне исподники шьет.

Движения рук ее так торопливы,
Ей стыдно при ком-то все это творить,
Но надо. Нужда. И она терпеливо
Под взглядом чужим умудряется шить

И ровно кладет аккуратные строчки.
Коль другом назвался — не надо пенять
На бедность мою! И газетные точки
На лице и стане жены расставлять.

* * *

Никогда не приемлю я жажды чужого,
И за пазухой нож никогда не ношу.
Мне по нраву Мечта, что течет из простого
Постулата, что в помыслах все же грешу,

И не только, а в действе, в грехах утопая,
Все ж желаю в одеждах увидеть себя
Белоснежных! Достойных желанного рая,
И любви всех и вся — никого не любя.

Парадоксы желаний раздраили душу,
Не пойму ничего, и в глубинах себя,
В мозг вторгается мысль: у соседа все лучше,
Даже нож, что он носит тайком для меня.

Как же я безоружный и слабый не в меру,
Отстою свою честь, и семьи, и родни?
Боже, силы мне дай в непоколебимую веру,
Чтоб врага победить мне движеньем одним,

И забрать у него, что в достатке имеет,
И хоромы, богатством забитые сплошь.
И никто на меня посягнуть не посмеет,
Потому, что за пазухой спрячу я нож!

* * *

Есть в мире толк благого дела,
Всему есть в мире срок и толк —
От благости души до тела,
Спокойно ждущего свой срок.

И не поймешь, чего дороже:
Душа для тела? Иль не так,
И тело брренное, быть может,
Души дороже на пятак.

И некий плоть хранить желает
Свою в течение многих лет,
А что Душа! Пусть умирает,
В ней проку в жизни вовсе нет.

И до сих пор живут картины
В моем сознание, как в кино:
Плоть носит новые ботинки,
Хотя и без души давно,

Дубленки и кресты литые,
В любой момент, чтя жизни срок,
И за оплошности простые,
Бездушно в души жмет курок!

* * *

Мне привиделся редактор
Моей книги, мудр и сед.
По моим строкам, как трактор,
Он пропахивал свой след.

Наводил свои румяна,
На стилистику мою,
И уж мысли окаянной
Я своей не узнаю.

Удивляюсь во всю силу,
Словно и не я писал,
Крест как будто из осины
Над Моим твореньем встал.

Все отточено, прилично,
До последней запятой,
Где пером редактор лично,
Нервный слог поправил мой!

И читаю и не верю,
Это я, или не я?!
Разливаюсь дивной трелью
Сказочного соловья!

* * *

Я поле жизни перейти могу
В любой момент и час, в жару и стужу,
Но минное — не пожелать врагу:
Намного жизни дальше, злее, уже.

И каждый сантиметр прощупать дай
Мне срок и силы, ангел мой хранитель,
И только лишь потом ногой ступай
Туда! Пока еще земной ты житель.

Но если щуп твой мины не нашел,
И взрыв порвал стекло замерзшей лужи,
Так значит, поле жизни перешел
Ты в тот момент, когда колдует стужа.

* * *

Снег случился! Зима только-только
Будет силы свои набирать,
Осень гнать! Ошалевшею тройкой
Станут ветры с морозом опять,

И все реже студёные капли
С поднебесных высот, да к земле.
Хоть ноябрь, но лужи облапаны,
И лежат в серебристом стекле.

И нахохлившись, бедные птахи
В черных жилах ветвей не поют,
Видно птичья душа тоже в страхе:
Где прикорма искать и приют?

Но откуда-то из далека
Снегириное слышится: «Фью!»
Для кого-то Зима и жестока,
А кому — пребыванье в Раю!

* * *

Подсушила стужа лужи,
Черный выбелив асфальт,
Иней лег, в сплетеньи кружев,
Словно сказочная шаль.

И куда не кинешь взора,
Всюду искры серебра,
И стекло сквозь вязь узоров,
Смотрит, дух зимы вобрав.

И душа возликовала,
В этот превращенья миг,
Когда стужа развенчала
Осени бессмертья миф.

* * *

Стекал слювок с его щеки,
Он, неподвижный, словно мрамор,
Кипя внутри, цедил: «Секи
Живую плоть бездушный варвар!

Сегодня сдачи я не дам,
Твой меч отточенный, булатный,
Разрубит торс мой пополам,
Фортуне следуя превратной.

Но на секунду лишь дозволю,
Мне кончить начатое дело,
Попробуй, разруби мозоль,
Что зиждется на длани белой.

А после все закончишь так,
Как запланировал заранее».
И меч, прошедший тьмы атак,
Ударил острием по длани,

И разлетелся на куски,
Как будто там клинок дамасский,
А не мозоль простой руки.
Все кончилось, как в страшной сказке.

И руку взяв свою назад,
Кривя оплеванные щеки,
Персты свои врагу в глаза
Вогнал! И варвар пал жестокий!

* * *

Снег ползет с отливов окон
Вниз, как белая змея,
Чтоб упасть на ливнестоки,
И сорваться вниз скользя,

И о тротуар разбиться
Вовсе малою искрой,
И в сверкании сравниться
С самой дивною красой.

Ничего на свете нету,
Кроме этой красоты!
Я не дам за « прелесть» лета
Даже рваные порты,

А за все великолепия
Ночи, дня, снегов, ветров,
Скатерти, укывшей степи,
Я и умереть готов.

И стою замороженный
Я оптической игрой:
Там, в снегу, горит зажженный
Факел, — яркою звездой!

* * *

Ты меня гнала из этой жизни,
Где я свил гнездо с тобою вместе,
Что б ушел гулять я по Отчизне,
И пропал в тех далях не известных.

Я ушел! Мне многого не надо,
Захватил с собою твои песни,
Синеву «Божественного взгляда»,
Чтобы в далях сгинуть неизвестных.

Захватил и светлый локон сына,
И пушистый клочок своей собаки,
И вина из старого кувшина,
И флакон духов, подарок свахи.

Той, что так тебя приворожила
И ко мне, и к нашей общей жизни,
Что меня ты молча одолжила,
Обретаться всеями, Отчизны!

* * *

Скатертью накрыли стол,
(Черный, старинного дуба).
Чашку поставили: скол
Виден ее ото всюду.

И усадили гостей,
Каждому — свой уголок:
Ровно на восемь частей
Стол расчертил чей-то росчерк.

Ложечка бьется о край
Скола, и хриплые звуки,
Словно беседы раздрай,
Словно нелепые слухи,

Тонут в глубинах ушей,
Сердце вскипать заставляя, —
Как бы не вышло страшней,
Чем просто чашечка чая.

И расходились схватив,
Вилки до хруста в костяшках,
Под хрипловатый мотив,
Кем- то надколотой чашки.

* * *

Я уже ничему не верю,
Ни тебе, ни себе самому,
Ни своей ожелезненной двери,
Ни тому, кто прижился в дому.

Свое сердце закрыл на засовы,
Наложил на уста печать,
Безобидное даже слово
Я не в праве уже сказать.

И не надо искать виноватых
Средь теней, зверей, и людей,
Колдунов седых и косматых,
Небожителей эмпирей,

Сам себе я повесил вериги,
Тем судьбы обозначив ход,
Отрицание всех религий,
В коих сущность моя живет!

Страх

Страшно нынче жить на свете,
Но страшнее, умирать,
Когда солнце ярко светит,
И луна взойдет опять,

Над пустым и грешным миром.
Жутковато, но живешь,
И холодные квартиры
Под землю только ждешь.

Но не дай себе сознаться
В затаенной мысли, что
Тебе хочется смеяться
Над несбыточной мечтой —

Что твой путь не иссякаем,
Как извечный звездный ход.
Но из Библии мы знаем —
Каин Авеля убьет.

Как угаснет наш рассудок,
Тело обратится в прах,
Страх в любое время суток,
Он воистину есть страх!

* * *

Накаркал мне ворон зловещий беду,
Как чайник, что высвистел медные гроши,
И бег черной кошки, пометив черту,
На торную тропку Судьбины наброшен,

И баба навстречу с порожним ведром,
И шлейф от упавшей звезды угасает...
А что мне задумать? Все думы о том,
За что черный ворон беду накликает,

И чайник, что высвистел все до копья,
И кошка, чертившая черные метры,
И тропка по жизни закрыта моя,
И плачут безудержно зябкие ветры?

Но силою чувств я не зря наделен,
Для нечисти Слово — опаснее бритвы.
Не страшен мне крик оголтелых ворон,
Когда охраняем я духом молитвы!

Старец

По лесу бродит сонный ветер
И трогает ряды ветвей.
Он, верно, сразу не приметил
Картины трогательной всей.

Там тело у корней лежало,
Снежком присыпано едва,
Укрыто им и одеялом
Из тонкого молодого льда.

Старик, не ведомый доселе
Средь этих мест. Красив, как Бог!
Лежал он в ледяной постели,
Как будто отдохнуть прилег.

Седая борода лежала
Окладисто вокруг лица,
Но смерть от мертвеца бежала
Быстрее быстрого гонца.

Над ним голубка ворковала,
У ног алели снегири,
Но спал старик под одеялом
Уж третьи сутки до зари.

По всем законам православья
Он должен быть уж погребен,
Но жил в лесу, в скиту, в оправе
Природы! Неизвестный «Он».

Его медведь-шатун обходит,
Поджарая волчица прочь
Бежит, хотя голодной бродит
Какую уж по счету ночь.

Кто он, лежащий величаво,
Чья смерть в лесу гнездо свила?!
«И мысль навечно увенчала
Сей очерк дивного чела!»

* * *

В природе всё всегда в порядке.
И каждый листик и цветок,
Пчела, летящая за взятком, —
Всё свой имеет смысл и срок,

И каждой убиенной птице,
От клюва хищного орла,
Предрешено было родиться
Добычей, для его стола.

И человек, живущий слитно
С природою, как часть ее,
Кичится званием элитным,
Лишь «Эго» пестуя свое.

Есть у него враги и злее,
Чем хищники небес, земли:
Он сам себя убить умеет,
Посредством яда и войны!

* * *

Я не могу кричать громогласно
Всем, чтобы слышать возможность меня
Так же имели и камень безгласный,
Вороны в небе, и в травах змея.

Что мне осталось помимо рычания
Львиного — тем, кого так не люблю?!
Но я не призван томиться отчаяньем,
Призван сражаться в открытом бою.

И не пытайтесь меня с дон Кихотом
В этом признанье отождествлять,
Для дон Кихота — у мельниц работа,
Мне ж за юродство людей отвечать.

И не подмажешь меня, что б поехать,
Силой в Ярмо чьих-то мыслей не впрячь,
Мне самим Роком означена вежа,
За обделенных рычать и кричать.

Вон по дорожке спешит седовласый,
Сребробородый с клюкою старик,
Он прогремевшей войною обласкан,
Слабый, контуженный фронтовик.

Он еле слышно о том мне поведал,
Что я вскипел, приготовясь для драк:
«Мол, неплохие здесь варят обеды,
Только обидно — не лечат никак».

Слышите, Вы! Кто за жизнь отвечает
Этих, влачащих судьбу, стариков,
Вас господами теперь называют?!
Но ведь Господь, он совсем не таков.

* * *

Сверкает далекое небо,
Бриллиантовым высверком звезд,
Таким его свод еще не был.
Под крепкий Крещенский мороз

Который уж год наблюдаю
Я злую пургу и метель.
А здесь, красотища какая,
Из звезд ледяная купель,

Разденься и вверх головою,
К Крещенской звезде прикоснись,
Здоровье прибудет с тобою
На всю твою долгую жизнь.

А если подступят с вопросом:
«Чем крепок ты, братец, досель?»
Ответь: «Под крещенским морозом,
Я звездную принял купель!»

Теперь я живу под звездою,
Навек охраняемый ей,
За то, что священной порою
Случайно я встретился с ней!

* * *

Да полно, полно уж стараться
Меня перенацелить Вам
На то, что стыдно, мол, влюбляться
В летах, и вторить: «Стыд и срам!»

А что, забыто изречение,
Что красота спасает мир?
Не желчность ваших заключений,
А нежное звучанье лир.

И я нарочно в пику «сраму», —
Что жив на ваших языках,
Сорву с газона розу — Даме.
Преподнесу! В ее летах

Понятые Дама неуместно,
Она сама еще цветок
Нераспустившийся! И нежный
Имеет, кстати, голосок.

Неужто я в войне Афганской
Такого права не обрел,
Сквозь кровь пройдя! Я розой красной
Украшу Девы ореол.

А сколь безумен мой поступок —
Так только ей о том судить.
Но я, в любое время суток,
Любой готов цветы дарить!

* * *

Открой мне Душу, человек!
Пусть будут для меня знакомы
И чувств твоих незримый бег,
И тень углов ее укромных.

Открой! Себя огородить
От сглаза, многого не надо,
Но надо верить и любить
Ту дружбу, что тебе наградой

От неба светлого дано.
Вот оберег, возьми, не бойся,
Беда отринута давно
Им! О себе не беспокойся.

Но все же душу мне открой,
И словно созерцатель мудрый,
Хранить тебя своей рукой
От всех грехов и бед я буду.

* * *

Когда мне дьявол сердце жег,
Свою показывая силу,
Я рвал из пластика мешок,
Что мне незримо подносил он.

Через себя, сквозь муку, боль,
Я был и есть непобежденный,
Но отведенная мне роль
Давно мне виделась рожденной.

Возможно, где-то там, когда
Я жил, как отрок несмышленный,
Грехи «Седьмых колен» в года
Мои проникли окрылено,

И ждали миг, когда сказать
Они свое получают право,
Заставив напрочь замолчать
Коренья, снадобья, и травы,
Что силу и могли иметь,
Во врачевании недугов,
Но все мне предрекали Смерть —
Седую, верную подругу.

И только силой наделен
Неведомой, веду я схватку,
Хоть в горькую, но жизнь влюблен,
Не ведая на деле сладкой.

А сколько я мешков порвал,
Назначенных для погребенья?
Так значит, чем-то помогал
Я тем, кто так искал спасенья,

И кто от страха трепетал,
Как только где-то слышал шелест
Мешка! Но я его порвал,
Зубами, надрывая челюсть.

Но сил у Ада — через край!
Когда-то он меня осилит,
(Когда Господь меня покинет —
Мой дом мешок, ты так и знай!)

Полнолуние

Над Землей, растекаясь серебряным светом,
Полнолуние вызрело в сводах небес.
Есть в народе на это такая примета:
Нечисть вышла шабашить на горы и в лес.

Там, где горы, понятно, что черные силы
По преданью, на метлах стремятся туда,
Где в подлунной ночи, опершись сиротливо
На подругу! Плешинной сияет гора.

А на наших равнинах, известные всеми,
И шумят, и гудят, и рокочат леса,
Значит, будут шабашить ведьмачки над елью,
У которой есть плешь и седая коса.

И попробуй останься в лесу одиноким.
Ты живым не уйдешь! Можно точно сказать,
Тебя утром найдут лесники однооком,
С лапой зверя, и клювом... Не опознать!

Посему, запирайте на ставнях засовы,
Заряжайте картечью «берданки» свои,
Нынче будет ходить волосатый, здоровый,
С лапой зверя и клювом орла, иль совы.

* * *

Как целомудренно проста
У средней полосы природа,
И голубые небеса,
И чистые речные воды,

И леса темный окаем,
Полей цветущих и просторных,
Откуда солнышко встает
И гаснет к ночи иллюзорно.

В то время свет царит и тьма,
Но вдруг из тучи выпав, месяц
Все осветил, и вот она,
Земля, по звездам стала грезить.

Еще чуть-чуть не отрывай
От неба взора, — восхищенье
Тебя охватит, звездный рай
Тебя призвал в свое рождение.

И нету слов, не передать,
Не обсказать красоты эти.
А кто силен не попадать
Вот в эти сказочные сети?

Но вновь затеплился восток,
Не свет, не тьма, — все это было,
Там зарождается исток
Прихода самого Светила.

Рубином обагрив леса,
Поля и прочие просторы,
День выливает в небеса
Виньетки солнечных узоров.

Нет, та природа не проста.
Любовь к ней, не увянет сроду —
Вот заводь, в ней вода чиста,
Вдруг хищный окунь, мутит воду!

* * *

Низвергнутый в пылу сраженья
С самим собой на землю, я
Лежу, дыша испорожненьем,
Что выблевала мать Земля.

Здесь труп убитого ребенка,
Которого родная мать,
По пьянке задушив пеленкой,
Решилась тайно закопать.

И кости в войнах убиенных,
Истлевших воинов. Века!
Земля таила сокровенно
Их ребра, стоны, черепа.

И вдруг восстала против сути
Круговорота дней и лет,
Скрывать все то, чему все люди
Решительно сказали «нет».

Кому угодно видеть трупы,
Дышать гниеньем бывших тел?
Благопристойней крест из трубок
И арматур. Его удел

Стоять над тем, и гладить око
Того, кто не желает знать,
Что смерть и потому жестока,
Что заставляет смрад вдыхать.

Но кто о том когда-то скажет,
Хотя бы самому себе?
И я лежу у вскрытых скважин,
На взбунтовавшейся Земле.

И слышу шум в ее глубинах:
«Зачем мне нужен этот хлам?»
И вверх летели домовины,
И вниз ползли по черепам.

**«ЖИЗНЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ,
А ЛИШЬ МЕНЯЕТ ФОРМУ»
(2002 — 2003)**

* * *

Исчезают как виденье,
Цепи и колодки,
Возникает хор отмщенья,
Звуком хриплой глотки.

Где-то лязгает оружие,
Сабли и палаши,
Но подхватим это дружно
Хриплой глоткой нашей.

И пускай они рискуют,
Те, кто при колодках,
Протоколы, что рисуют
В схватке с нашей глоткой.

Им не выстоять вовеки,
Против наших мускул,
Им амнистия не светит
В коридоре узком.

Когда хриплой нашей глоткой
Их туда загоним,
По цепям им, по колодкам,
Сроки узаконим.

И пускай не исчезает
Это, как виденье,
Пусть бандит в цепях таскает
Плотника творенья.

* * *

Дым над трубой, всходящий черной гривой
Невзнузданного небом скакуна,
Полощется упруго и игриво,
Скрывая близлежащие дома.

И не сказать стихии: «Стой на месте!»
Она себе сама принадлежит,
И мчатся небесами злые вести
Тех, кто в дороге ветер не простит.

И падать на колени пред лампадой,
Не знаю, возымеет ли то прок.
Шальные кони, что вам в небе надо,
И на какой рассчитывать нам срок?

Я знаю, эти кони тех услада,
Кто их «Пегасом» ласково зовет,
И гривы черной им до боли надо,
И взмаха крыл, чтоб выверить полет.

И вот тогда они, за перья взявшись,
От крыльев звон положат на стихи,
И гривы черной путник убоявшись,
Не будет жив, под натиском стихий.

Как только тело путника остынет,
Слепое вдохновение уйдет,
А сам поэт оракулом отныне
И больше, чем поэтом, прослышет.

* * *

Что ты бродишь, ангел падший,
Все вокруг меня! И что
Хочешь вызнать у пропащей
Жизни, расколов чело?!

И в извилинах копаясь,
Перемазавшись в крови
Ищешь то, чего, играясь,
Сразу сроду не найти.

Даже если ты и Демон
И силен всей силой тьмы,
В голове моей той Девы
Образ светлый не найти,

Но проверив все расчеты
Изысканиям в мозгу,
Знаешь ты итог работы,
Коль найдешь, то я умру.

Нет, не плотью, а Душою,
Для чего мне жить потом,
Коли с Девой молодою
Не придется строить дом?

И детей рожать красивых,
И здоровых, как она.
Ангел падший, твои силы —
Пока светится луна,

Не найдешь — так значит, точка!
Проиграл убийца Душ,
Солнце выйдет, ляжет строчкой,
На челе с помадой тушь,

Там начертано так ясно,
Как признание в любви,
Чувство Девы распрекрасной,
С коей тьме не по пути.

И догадываюсь — страшен
Им оставленный рубец,
Ангел падший, мы — не ваши,
Мы — Господни наконец.

* * *

Мне надо выехать сегодня
Туда, куда не знаю сам.
Заступник — Николай Угодник,
Не допусти позор и срам.

Но мной предчувствие владеет:
Куда б не сунулся — конец,
В руке патрон смертельный греет
Для сердца моего юнец.

Он Сатанинской веры, видно,
И адовым огнем горят
Глаза его! Ему обидно,
Что я стою у Райских врат.

Но если той поганой пулей
Я буду ранен иль сражен,
То полечу как пчелка в улей,
На круги ада снаряжен.

Вот выстрел! Пули лёт замедлен
И тягостен! Я весь в поту.
Останови ее немедля,
Тьмой пораженную мечту,

Спаситель мой! Всесильный АВВА,
Не выдай душу Сатане,
И ты, Спасителя мама,
Закрой пологом сердце мне!

* * *

Молчанье — не присутствие ума,
А золото, желаемое всеми.
Тот, кто молчит, тот не сойдет с ума,
Все спишется на злое бремя лени.

Но говорят, что действие всегда
Считалось самым веским аргументом;
Так почему ж тогда на все года
Убийство действия — тьме эквивалентно?

А там опять молчанье, тлен и прах,
Но даже мертвый говорить желает
О действе! — под землей в своих рядах
И те ряды подземные сдвигает.

И если ты на кладбище пришел,
Чтоб посетить того, кто тебе дорог,
Ты только кости сгнившие нашел
Другого мертвеца! Подземный город

Как домна, где огнем пылает сталь,
А может, даже золото! Кто знает?
Но все молчком! Как черная вуаль,
Безгласность даже глупость укрывает.

* * *

У Михалкова на «Цирюльнике»
Я ощутил российский шарм —
Там эполеты, перстни, брюлики,
И весь немеряный плацдарм,

Которым приросла Россия
Еще в каком-то там году.
Сибирь! Что в дымке тает синей
На чью-то лютую беду.

И где любовь цвела таежная
У англичанки! Весь накал —
Явление неосторожное
Для тех, кто этого не ждал.

И все закончилось трагически,
Как и кончалось на Руси,
Серп — не вопросик риторический:
Что рожь, что головы косит, —

Но миг прозренья — и панически
Конь из Сибири прочь летит!

* * *

Дорога скользкая! Туман,
Как признак потепления,
Лес, словно дивный великан,
Уснул в своем сомнении,

Не зная, это ли весна,
Иль просто шутка злая
Природы! Холодов пора
С теплом весны играет.

И кто в сей схватке победит,
Ему не безразлично.
Сам от корней покуда — спит,
Но климат столь тепличный,

Что стоит постоять теплу
Какие-то недели,
И вот! Встречайте все весну —
Березы! Ивы! Ели!

И хоть февраль в календаре
Зимою обозначен,
Набухнут почки на дворе,
Весною срок означив.

И ты на праздник свой пойдешь,
Отечества защитник!
Среди зимы, где слякоть, дождь,
И там из рук ее возьмешь
Любви — зеленый листик.

* * *

Уж солнышко спешит лучами
Играть со стеклами домов,
Заглядывая в них очами,
Хозяев будит ото снов,

А после, вольно расплескавшись
По глади стен, дверей, полов,
Багряным отсветом представши —
Церквей коснулось куполов.

И первые сорвались птахи
В непредсказуемый фальцет,
День вылез из ночной рубахи,
А под рубахой только свет.

И мне кричать не накричаться,
Пером по целине листа:
Ночь пережил, пора брататься
С зарею — с пеною у рта

Ее приветствуя походку,
И лик, и стать, и благодать.
Люблю в ночи свою походку
На утро заново менять.

* * *

Беда! Стоит в углу покойник,
Укрыты черным зеркала,
Икона! — Николай Угодник
Горит с лампадой из угла.

Все как положено. И шепот,
И всхлипы горькие родни,
Да на площадке гул и топот
Тех, кто проститься с ним пришли.

А предавать земле не рано ль?!
Ведь тут поспешность ни к чему:
Бывали случаи, что раны
Вдруг появлялись во гробу,

И тот, кого считали мертвым,
Свои же руки пожирал.
Ведь голод, он совсем не тетка —
Его мертвец и утолял.

Перекреститесь троекратно,
Губами троньте венчик лба,
Ах, как не вышла бы накладка!
И сохранила прах судьба!

* * *

Малороссия! Зачем же
От меня уходишь в даль?!
Будто плоть живую режет
Чья-то варварская сталь.

То ли черти в поле воют,
То ль собаки, то ль волки,
То ли голосом не строят
У амбара петухи,

То ли кто-то близ Диканьки
Девку замуж выдает,
То ль в часовенке за банькой
Бурсачок псалмы поет.

И в безвременье смешались
И снега и цвет полей.
Малороссия, съякшалась
Ты с проделками чертей

Ведь не Гоголь только, верьте,
Перевернут во гробу —
После ложной, мнимой смерти
Как без воздуха ему?!

Что ж мне жить без малороссов,
Как дивчине без прикрас?
В черевичках царских босы
Ноги Дев твоих, Тарас!

* * *

Добрый конь у воеводы,
Мастью черен, телом сух,
Он к реке, не зная брода,
Скачет, напрягая слух.

Он команды исполняет,
Боль узды не ощутив,
И безбоязно шагает
В воду! Статен и красив.

Добрый нож у воеводы,
Сталью крепкою пригож,
Что ему речные воды,
Из булата этот нож.

Нож, который только крови
Жаждет! Больше ничего.
И ему под стать и вровень,
Конь с хозяином его.

Девки добрые гуляют
За рекой, у белых хат,
И за ними надзирает
Разудалый Хазбулат,

Знает он: «Товар, что надо!»
И смекает, что почем,
Это все ему в награду
За могучее плечо,

За кривую саблю: смертью
Та помечена давно,
И ему за храбрость — верьте,
Столько в рабство отдано!

На пригорок конь взлетает
В брызгах радуга видна,
Воевода замечает
Хаты, девок и врага.

Конь поджар и мастью черен,
Видит это Хазбулат.
Девок вырезал под корень
Саблей дьявола собрат,

И бегом от воеводы
Прочь пустился басурман.
Но ломает ноги с хода
Воеводин конь Шайтан.

И склонившись, тот рыдает
Над конем, что так пригож
Был! И горло надрезает
Другу воеводин нож!

* * *

Почернело в груди
От рассказа ее.
Ты меня не буди,
Золотое цевьё!

Мой удел цепенеть,
Твой удел ударять,
Вместе песню нам петь,
А ему умирать.

И не жги мне ладонь,
Золотое цевьё,
Под седлом уже конь,
Кличет имя мое,

Ржет, копытами бьет
И зовет меня в даль,
Где обидчик живет.
Вороненая сталь

Спит в объятьях твоих,
И в ладони моей
Ветер вольный затих.
По изломам бровей

Ему больше не вить
Локон черных кудрей...
Я задумал убить,
Кто натешился ей.

Золотое цевьё,
Монолитный приклад,
Вот уж пуля поет
На трагический лад.

Только Я отомстить
Волен был за нее,
А ребенок носить
Будет имя Мое!

Собаке Рену

Пришел приятель, сел у двери,
Задумчив, строг и молчалив.
Пришел оплакивать потери,
Меня об этом не спросив.

И я молчу, как та жилетка
Которой выпало слезу
Принять! (Как выразился метко
Мудрец в нескитанном году).

И повздыхав, ушел приятель,
А я ж от слез его промок,
И весь дрожу. Прости, Создатель,
Я быть жилеткою не смог,

Обида к горлу подступила,
Слезой вымыта щека
Моя! И жалость брешь пробилла,
«Жилеткой» сделавши щенка!

* * *

У них в извилинах ума осталась дурь и блажь.
Необходим запас каких-то знаний.
Но кто кредит мне даст, под этакий багаж,
Несущий груз Любви, Добра, Страданий?

В себе не вижу прок без помощи извне,
Я час от часу хуже и слабее,
И не помочь уж праведной мечте
О багаже, которую лелею.

На паперти миров раздраенный стою,
Коленопреклоненный, побираюсь.
«Исполните мечту нетленную мою!», —
Кричу, прошу, и с хрипом надрываюсь.

Галактики как псы, прислушавшись, легли
У ног еще не познанных Галактик,
Что разговоры меж собой вели
О выработке ими смелых тактик

По поводу того, что есть звезда, Земля,
И кто на ней юродствует и плачет?
И как они — Галактика и Я —
Просимую оформят передачу.

Де-юре Я ничто, да и Земля ничто,
И помощь им ничто — подарка ради,
Да пусть они владеют той мечтой,
Ведь мы — парад планетам все же дали!

И вновь ушли Галактики в свой путь,
Миры умчались по мирским заботам,
А у меня от чувств вздымалась грудь
И ум пополнил знания без счета.

И кто Де-факто Я — мне трудно осознать,
И у кого-то испросить совета.
Но вот звезда опять скатилась, чтоб узнать
О правильности своего ответа.

* * *

Мне агрессия ни к чему.
Я спокойный и уважаемый.
Хочешь, девку тебе сниму,
Хочешь, «пушку» устрою табельную.

Хочешь?! С мэром стрелку забуду,
Иль дела обсужу со «смотрящим».
Я в лицо *никому* не плюю,
Соглядатаям и незрячим.

Просто я живу как хочу,
Никого не цепляю, не трогаю,
Мне естественнее — к врачу,
Чем кладбищенскою дорогою.

Не уехал я — никуда,
Хоть меня во все стороны звали,
Здесь я нужен всем и всегда,
И хорошим и разным тварям!

* * *

С тобой мне нечего делить,
Поверь мне, друг мой закадычный.
Ты хочешь другом дома быть,
Моей жене — жилеткой личной.

Не против я. Пусть будет так,
Ходи! Жалей и сокрушайся,
Что я — по сути вурдалак!
Тиран! В словах ты не стесняйся,

Ведь кто мне правды преподаст
Урок! И призовет к ответу
За те обиды, что я Свете
С бездушьем наносил не раз.

Уже и вечер настает,
Закат огонь разлил по небу,
Определение дает
Друг — Кем я стал и Кем я не был,

И критикует горячась,
Без малой для меня уступки.
И вдруг, в мгновение, тотчас
С щеки его рубином губки
Жены моей сроднили нас.

* * *

Жизнь не кончается, а лишь меняет форму, —
Благословенен путь в ее труды.
Кем станешь ты? Полевкой для прокорма
Седой и мудрой хищницы совы,

Иль сам, вооружившись «хваткой мертвой»
Убийцы волка, выйдешь на тропу?
И нет спасенья оленихе верткой —
Твои клыки порукою тому.

Иль превратившись в прах, собой удобришь
Сырую землю для житья червей,
Иль станешь червем... Что тебе удобней?
Ты выбирать грядущее не смей,

А знай одно: пока ты существуешь
И в силах это все предполагать,
И мыслями безудержно бунтуешь,
Жизнь может быстро форму поменять.

* * *

Не сидится, не лежится.
Не живется как хочу,
Злость в душе моей ютится,
Затушив добра свечу.

И на всех остервенело
С ее помощью смотрю,
Сам взъерошен, скулы белы,
И безвинных матерю,

И впиваясь в мозг словами
Низвергаю бедных в прах,
Заставляю быть рабами,
Слов, в которых скорбь и страх.

Понимаю, что не будет
От рассказанного прок,
Кто меня за то осудит —
Жизнь? Всевышний или Рок?

И меняться не желаю
Я в поступках для других,
Разве плохо, что я знаю
Всех мучителей своих?

* * *

Жаждет выстрела и ржавое ружье,
Что в спектакле украшает сцену,
Хоть боек подточен и цевьё
Требует немедленной замены.

Бутафорским числится оно,
Но в момент, означенный судьбою,
В пике действия выстрелит оно,
Сжатое актерскою рукою!

И не важно, что за роль играл
Тот актер — тирана иль святого.
Важно, что сказало своё слово
То ружье! И кто-то «мертвым» пал.

Ну, а то, что звук за сценой был
Стартовым озвучен пистолетом, —
Зритель знать не должен! В споре сил
Зла с Добром совсем не важно это!

И когда уйдет во мрак партер.
Дома будет зритель спать тревожно.
Вновь, с предосторожностью всех мер,
Дед-вахтер со сцены осторожно

Унесет ружье, что свыклось с ложью...
Только знать нам это не дано, —
То ружье однажды с нервной дрожью
В чье-то сердце выстрелить должно!

* * *

Воскрес, раздавленный стопою
Слепого рока в точный срок,
Я, проигравший лавры боя,
Иной завоевал венки.

Где ржавое железо — хвоя
Любовно обняла овал,
Я, маску обретя покоя,
Под ним недвижимый лежал.

И надо мной душа летала
Моя! И было видно ей
Погибель черного овала,
И радость царствия теней.

И я не ждал пути иного,
Чем этот. Но всеильный Бог
Меня для жизни вывел снова
Из мрачных мертвенных оков.

Я воскрешен, я жив, я светел,
Как отблеск солнечного дня.
Рок в мертвецы меня пометил,
Но жив! И верой крепок Я.

* * *

Осень! В расцвете самом
Царствует бабье лето!
Я на свидание с мамой
Еду в сиянии света

Солнышка золотого,
Греющего, как летом,
И вспоминаю снова
То, чего уже нету.

Что отняла природа
В срок, по своим законам.
В памяти « сумасброда» —
Жизнь, пролетевшая в Оном.

В памяти сумасброда,
То есть в моей, поймите,
Лето — иного рода
И чудеса наитий,

Где высота есть чувства!
Где Эверестом — любовь!
Где вершиной искусства
Гордо вскинута бровь.

Видимо, все от Евы,
Что из ребра Адама.
Вспухли височные вены,
Как на руках у мамы,

К той, что стремлюсь сквозь Осень
В самом ее расцвете,
И серебристую проседь
Целует бродяга ветер.

Я ведь давно родитель
И продолжатель рода.
Дети мои — обнимите
Мать своего сумасброда,

Так же, как ветра струи,
Вы расцелуйте прядку
Самую мне родную,
Вашу седую бабку.

* * *

Нахлобучены на брови
Шляпы Дам в осенний День!
Капли скачут, будто кони,
И скакать им век не лень —

Век осеннего расцвета,
Разъярившихся дождей,
Когда в небе нет просвета
Уж какой десяток дней.

Даже если зонт раскрылся
Над твоею головой
Ветер властью насладился
Безраздельной над тобой,

Зонтик вывернул наружу,
Спицы крепкие сломав,
И к тебе рванулись дружно
Капли, Церберами став.

Только тут и понимаешь
Превосходство модных шляп,
И промокший, вдаль шагаешь
Сквозь дождя занудный крап.

* * *

Во славу партии мы живы
И, право, важно ли — какой?
На теле четкий оттиск шины
Ее машины боевой,

Которая стремится к цели,
Любые средства применив,
И от величия хмелели
Вожди! На горло наступив

Своим немым однопартийцам,
Что создают им ореол
Политактеров! Лицедействуй,
Царёк, восшедший на престол,

И словно пешки двигай массы
Сподвижников на смертный бой.
А сам — меняй по ходу маски,
И будь не узанным собой;

И объясняй ягням глупым
К чему та маска в тот момент
Была нужна! Лишь миской супа
Свой подтверждая аргумент.

Они поймут — они оценят,
Насколько их царек неглуп,
И лозунги послушно сменят,
Пустой дохлебывая суп!

* * *

У раскидистой ракиты
Заливался соловей,
А под ней лежал убитым
Смысл прожитых мною дней.

Побледневший, посиневший
И ненужный никому,
Жизнь мою до йоты съевший —
Оголивший суть саму.

Бесполезного страданья
Скорби, Горя, Маяты,
И моих пустых деяний
В обрамленье Доброты.

Утверждая непорочность
Смысла этих самых дел,
Признаюсь я всем, что точно
Смысл увидеть не сумел.

В том, что делал до бессилья,
Жарким потом исходил
И над смыслом я насилье,
Как желалось, не свершил.

И живут теперь отдельно
«Смысл» — и все, что сделал «Я»,
Упокоенные трелью
Над ракитой соловья!

Анафема Судьбе

Увы, я не в ладах с судьбою,
Но кто подскажет, как мне быть?
А может, в омут головою,
Чтоб все страданья позабыть?

Где нет меня, там нет печали,
Смертельной грусти и тоски.
И руки вниз без сил упали,
Под боль, сверлящую виски.

Судьба, зачем ты наказуешь
Так сильно, что сильнее нельзя,
С шипами терния прибудешь,
Во мне, проклятая стезя!
И может, только крик разбудишь
Во мне истерзанного «Я».

Но ты глуха, как древний старец,
Не внимлешь зову моему,
А я, как немощный скиталец
Хоть через силу, но иду,
И, Ада вечного страдалец,
Тебя я вовсе прокляню.

* * *

Не страсть к вину меня в могилу сводит
И к женщинам любовь тут ни причем,
Во мне живет другой, который бродит
В моей Судьбе, с карающим мечом.

И он казнить и миловать всех волен,
Ему ни Зло, ни Святость нипочем,
Он просто Зол, небрит и верно болен,
И машет этим гибельным мечом.

И повлиять на это — урезонить
Его! Не достает мне Слов и Сил,
И я живу деяньем опозорен
Преумноженья горя и могил,
И я живу двуюкостью плененный,
Наказанный, наверно, за грехи
Далеких предков, в склепах погребенных
Бесправием карающих Стихий.

* * *

Продали антиквару крест —
Свели концы с концами.
Наперсным был — его торец
«Утрачен» был местами,
Его эмалевый узор
Потух, в сканной оправе.
И вовсе не ласкают взор
Серебряные грани.

Старинный! Прадедом храним
И дедом — цел остался,
И умиленно род над ним
Слезами обливался.

Не знаю, как им всем жилось,
В каком таком достатке, —
Тем, кто не выменял на горсть
Монет Дух веры сладкий.

А тут квартира и ремонт
Долги, нужда по уши!
Мы продали его и вот,
Достатком совесть глушим.
Так чисто и красиво все
В хоромах распрекрасных,
Но каждый член семьи несет
Крест божий не напрасно:
Вдруг в ванной лопнула труба, —
По всей квартире слякоть,

Пропал ремонт, плоды труда!
Пред чем теперь поплакать?

* * *

Мне снилось, что я не один
Укрылся в кустах у дороги,
Что рядом со мной господин
Козлобородый, двурогий,

Кастет на руке поправляя
И ждал одну жертву со мною,
Которую ночь уже ждал,
Он ту, что зовется Мечтою.

И что ему эта Мечта!
И помощь мне и... упрямство,
А может быть, вовсе не Та,
Заботы моей постоянство?

Мои кулаки — и кастет,
Для дела несопоставимы.
Удар! И в живых уже нет
Ее, раньше мною любимой.

Зачем ему этот кастет?
И плащ, красным шелком подбитый,
И рожки! О господи, нет —
Негоже Мечте быть убитой

Самим сатаной. Что же я?!
Ужель не спасу ее к сроку!
И камнем дорожным бия
По рожкам, я бил по порокам,

Которых паучья сеть
По жизни расставлена адом.
Счастливый! Сумел я успеть
Спасти, что прошла где-то рядом,
Мечту, — а потом умереть
В кустах, у дороги, за садом.

* * *

Клыкастый снег, колючий, вязкий
Укрыл собой асфальт дорог.
Скользя и надрывая связки,
Иду я на шарнирах ног,

Пока к такому не привыкший,
Цены не знающий пока
Сосулек, что спустились с крыши,
И даже плачущих слегка

От радости, что будет время,
Они окрепнут, подрастут
И прятаться людское племя
От них начнет и там, и тут.

И вверх, на крыши, задирая
От страха головы, бегут
Они от тех, что близко к краю,
В ледовый выстроен редут.

И понимая, принимают
Всем сердцем зимнюю кадрили,
И даже лыжи примеряют,
И легший на поля стихирь

На чувства собственного толка,
И радость светится в лице!
И ветер свищет, без умолка
Хваля Зиму, в ее венце!

* * *

Сколько хочешь смотри, но не сглазить меня,
Нипочем ворожба мне и порча —
Меня крепко хранит от ножа и огня
Христианства защитник и кормчий.

И союзник всех дел моих — праведный Он,
Друг по жизни, по сути учитель,
И любви моей братской раскрытый бутон,
И души моей вечный целитель.

И не нужен от бед никакой амулет
Мне, знакомому с силою слова!
И астрологов мудрых с парадом планет,
И магистров звена колдовского.

Я вдогонку за ним поспешаю след в след,
Пыль дорог неизбывных, целую
В кровь истертыми стопами! Мой Амулет —
Возглас спекшихся губ «Аллилуйя!»

* * *

Черные доски чего-то да стоят,
Черные цветом, но силой светлы
Той, что облитое кровью омоют
Сердце твое — возвеличив мечты.

В ликах, чей контур едва узнаваем
В копти масле! Глядят сквозь века
Очи, с которыми мы побеждаем
Боли, сомненья и тяжесть греха.

Воцерковленные Божьею волей,
Страшно на наши деянья смотреть
В прошлом, когда эти «доски» — не более —
Мы продавали, чтоб не умереть.

И процветали повсюду «Торгсины»,
Ловкий приемщик оклады срывал
И на весы серебро для гостиных
Хитрой рукою умело бросал.

Было бы хлеба для деток голодных,
И атеизм так пришелся под стать.
То, что веками хранили мы — сходу
Можно за черную булку отдать.

Как результат Солоухинских книжек,
Вновь разошлась сатанинская рать.
И ничего кроме злата не вижу
Я в тот период. Чтоб Русь обобрать,

Званье «фарцовщик» и джинсы по моде
Приобретали радетели Зла,
Перекупая ненужные вроде
В старых чуланах себе образа.

«Черные доски» и черное сердце
Минус и плюс. Что тут можно сказать...
Не от того ли чеченские зверства,
Что отвернулась от нас Божья мать?

* * *

Храм, искрящийся подсветкой,
Над заснувшим градом стал.
Из окна, сквозь зелень веток
Я все это наблюдал.

Заворожено как сказку
Мимолетную смотрю:
Вдруг умрет соцветье красок,
Встретив алую зарю?

И смотрю я беспокойно,
С колокольни тихий звон,
Вот он край Земли исконный
Русский, чья музыка стон,

Что звонарь по праву правит
По положенным часам
И больную душу ранит,

Уплывая вдаль к лесам.
По полям, по глади Клязьмы,
Всех и вся от бед храня,
Засиял, как сгусток плазмы,
Крест на шее у меня!

* * *

Загуби меня, до полуночи,
Дорогая, как есть загуби,
Чтоб тонул я, глядясь в твои очи,
От бездонной, безумной любви,

Что жена мне в избе пятистенной?
Что мне плачь моих малых детей?
Постели во сенях ты нам сено,
И себя постесняться не смей!

Мы такое с тобой испытаем,
Что ни Рай и ни Ад нам не даст!
Мы в любви полной мерой познаем,
Сладострастья волшебный экстаз.

А потом будь, что буде! И нам ли,
В этот час о худом говорить, —
Я отдамся тебе весь до капли,
До пылающей алой зари.

Знаю, кровью прольется на сено
Твоя честь! В том бесстыдство мое!
Из любовного нашего плена,
Жизнь зачатая, солнцем встает!

* * *

Ты совсем еще разумом кроха,
Хоть и статью на мужа похож.
Силы много в тебе! Это плохо,
Если спрятан в кармане нож.

Ничего ты о жизни не знаешь,
Кровь же жаждет! Адреналин!
В ход тот ножик ты в драке пускаешь —
Кто-то ставит свечу за «помин»,

А потом в изоляторе следственном
Ты, наверное, много поймешь,
И Душа в состоянии действенном
Проклянет тот предательский нож.

Но свершилось! Этап за этапом
Холоднее и холодней,
Лагерь, волчьи законы, «папа»
Спать уложит тебя у дверей,

Рядом с этой зловонной парашей.
Спи озябший, промокший в моче,
Тебе палочка Коха спляшет
Танец смерти при тусклой свече.

Вот и всей твоей жизни дорога
Оборвется в тех самых местах,
Где крестов и погостов так много,
Что никто и не сыщет твой прах,

Не служить по тебе панихиды
В дни родительских светлых суббот,
По делам — порожденье ехидны,
Жертве сунувший ножик в живот.

Яйцо. Словарь Ожегова

Да просто интереса ради
Возьму и умно напишу
В своей истерзанной тетради
Яйцо! — рассказывай, прошу!

Что может значить это слово?
Оказывается, много что:
Экстаз любовный, и готово,
В нем жизнь сама! в обмен на то.

Иль скорлупа в овальной форме,
Что легкокрылых птиц удел,
Или предмет! Его оформить
В то слово всяк силен и смел.

А шоколадное яичко?
Святое детство! Новый год.
Такое Ангельское личико

И песен шумный хоровод.

И наконец, помёт клопный,
Ему поклон отдать пора...
Писать про яйца, друг старинный,
Такая модная игра.

И кто на свет вперед явился,
Яйцо иль курица — ответ?
Над тем вопросом жизнь я бился,
А оказалось все же — смерть!

О Богородске

Когда потомок наш неблизкий
Осенним днем, к рожденья дате
Седого города, к столице
Припавшего на школьной карте,

Воскликнет с пылом патриота,
Что край родимый крепко любит:
Вот город! В нем моя забота
Об облике его и людях,

О тех, что живы и что жили,
Его красу преумножая,
Старатели текстильной жилы,
Влюбленные в красоты края.

И что с того, что Ям Рогожий
Когда-то звалось это место?
Стоит на улице Рогожской
Дом, чтящий Пушкинское кресло,

Сохранены дома другие
Людей, что Дух его крепили,
Известные по всей России
Радетели судьбы текстиля.

И Дух «казарменный» остался
В Зареченских многоэтажках.
А город Богородском звался
В углах чиновничьих бумажек,

И наш потомок благородный
Сравнит его с кусочком Рая,
Что Божьей милости в угоду
Быть им века предполагает.

Гробовщик

День за днем колотит гвозди
Он и в сосны и в дубы,
И давно уже не гости
В мастерской его гробы.

Стены в полуфабрикатах
Тех печальных домовин,
Что сколочены когда-то
Будут совестливо им.

День за днем одна работа:
Доски, гвозди, молоток,
В воскресенья и субботы —
Нескончаемый поток

Перед взором его льется
В бесконечность, в никуда.
Лишь спина сильнее гнется
От работы за года.

И обедать молча сядет,
Гроб, вверх дном перевернув.
Он с изделием поладит,
После крошки на пол сдув,

И законченным поставит,
Словно сторожа к двери,
И простится! Утром станет
Он другой уж мастерить.

В обрамлении печали
Нынче светел лик и лоб,
В ночь, он ладит со свечами
Для себя, свой лучший гроб!

* * *

Я, вольный в действиях когда-то,
Сейчас могу ли что сказать
О той свободе, где мандатом
Ее была Россия-мать?

Еще не убранная в траур
Чеченской, проклятой войны,
Которая плодила бравур,
И лоск богатства и чины,

Еще не знавшая изгоев —
С чужих земель сынов своих,
Бродяжек и бомжей. Их горе
В висках и бородах седых.

Как птиц — детишек беспризорных;
Из рук старух их кормит Бог,
А в ночь, в общественных уборных
Любой за рубль «иметь» их мог.

И ветеранов предыдущих
Бездумных войн, что в нищете
Зачем-то пропивают Душу
В трущобах — в грязи, в тесноте.

И размалеванных красавиц,
И ждущих, и стоящих в ряд,
Когда богатый иностранец
На ком-то остановит взгляд.

Что стало с Родиной? Ответьте!
И наркотический дурман
Моей свободе в сердце метит,
Как мне когда-то в грудь — душман.

Я, вольный в действиях когда-то,
И будучи свободным сам,
Не волен мощью автомата
И сталью лезвия — Бедлам

Предотвратить! И все поставить
На старые места. Прости
Меня, Россия, кто же правит,
Тобою, Боже упаси?!

Я знаю лица их и руки,
Я с ними так давно знаком,
Они с телеэкранов — Скуку
Вещают сонным языком,

Что им страна! И что им люди!
И есть ли от всего резон,
Из их карманов не убудет,
Стригут Россию как газон.

А там, в подъезде, рассчитался
С торговцем, за больной дурман,
Несчастный! Тут же и скончался
От передозы наркоман!

* * *

Ходит, хороводы водит
Ветер охристой листвою
И с ума меня он сводит
Своей дивной красотой.

То поймает лучик света
Влажным от дождей листком,
И летит он, как комета
По небу, за ближний дом.

То, сердясь над тучей черной,
Злобно ударит мне в лицо
И умчится вдаль проворно
За не близкое сельцо,

То утихнет, подобреет
Будет веять кое как.
Кто журить его посмеет
За игривости размах?

Что захочешь, то и делай,
Ветер ветреный, со мной,
Седину мою из белой
Хочешь! Сделай золотой.

* * *

Земля, студясь, взлетала паром в небо,
Луга в белесой дымке возлежали,
И каждый, даже еле видный стебель
Пары молочным языком лизали,

И оседали влажною росой,
Как слезы дев, невинность потерявших,
На каждый лист, и колос, где красую
Зерно стояло, усики поднявши,
И в сторону склонясь от полновесья
И от росы, его утяжелившей.
Туман стоял, поля и междулесья
Лежали, им, как саваном, укрывшись.

Но лето уж кончалось, ну а осень
Все холодней и злее становилась,
А на полях хлебов созревших россыпь
Вся драгоценным золотом светилась.

Я, горожанин, выйдя на природу,
Поля увидел, белого — белей,
Безвольно бросив удочку на воду,
Услышал крик летящих журавлей.

И только тут я осознал подмену:
Не впору снегу будет время лечь.
Здесь ровно так же быть Зиме и плену,
Всем — от травинки и до сосен плеч!

* * *

Как говорить мне с дево́й юной,
Седому, о своей любви,
И петь гитарой семиструнной,
Романсы с ночи до зари?

И чтоб признание принималось
Мое, не как шута колпак,
И слово колющее, Жалость,
Не поминалось бы никак.

А просто, волосы поправив,
Согнав со лба густую прядь,
Она была б воскликнуть в праве:
«Довольно клянчить, марш в кровать!»

* * *

Нету моря, лежащего с всяких сторон,
У Осетии древней, лишь горы безбрежны
Посему и не плавал там в бочке Гвидон
И не видывал горных вершин ее снежность.

И прорезали горы морщины от слез
Вниз бегущих: Рождая ущелья,
Где земля процветала под всполохи роз
И рожала вино и веселье.

Ведь когда-то случился вселенский потоп,
Выжил Ной, правотой обуянный,
Так и здесь мог Гвидон покрестить себе лоб
И «Аланию» кликать «Буяном».

Но представить себе, что там делал Гвидон?
В удивлении жить непрестанном
Было проще: ущелье цвело Кармадон,
Тоже богом Осетии данное.

Там горячие парни, и девы — бутон
Вышеназванных роз расцветали...
От горячих сердец с гор, сметя Кармадон,
Многотонные снега упали.

* * *

Который раз я опечален
Тем, что подходит день конца
Того периода. Вначале
Которого, как свет венца

Я ждал! Vivat! Начало года
Над миром вечным, и теперь
Я вновь в декабрьскую погоду
За годом закрываю дверь,

Чтобы воскликнуть — год сей умер,
И новый в здравии живет!
Звонка непрошенного зуммер
Я резко оборвал, и вот

Один встречаю праздник света
Моих редяющих седин.
Я старый стал, как та планета
И адресат ее един —

Она живет в подлунном мире,
Грехи мои списав с меня,
Пред смертным часом, звукам Лиры
Меня отдавшая Земля.

* * *

Сиротский дом. Одни старухи —
Родные вымерли давно —
Сидят, коленам бросив руки,
В своих воспоминаниях про...

Мужей хороших и не очень,
Детей, которых лучше нет...
И умереть любая хочет,
За домочадцами вослед.

Глаза невиданной печалью
Иконных ликов налиты,
Где в глубине их, изначально
Следы былой любви видны.

* * *

Не того я коснулся порога,
За избитым моим башмаком
В ту же дверь заглянула дорога,
Что спешила вослед босиком.

Поздоровались, сели, разулся,
Чтоб ногам своим дать отдохнуть.
У порога послушно свернулся,
Поджидая меня, мой же путь.

Но на звук разговора в прихожей
Башмаков и Пути меж собой,
Вышла та, на того непохожа,
К кому в путь обратился я свой,

И спросила: «К чему мои двери
Привлекли пылью троп башмаки?
И зачем ты их снял, не проверив,
Что их ждет на конечном пути?»

И здороваться с дверью не надо,
Есть хозяев резон подождать
И уж коли *они* будут рады —
Вот тогда можно обувь снимать».

И захлопнулись двери со стоном —
Вспухли вены путей и дорог.
Ах, к какому стремиться мне дому?
И какой меня примет порог?

* * *

Весной заплакала Природа
Осенней горькою слезой.
Страшней не сыщешь антипода
И варвара — Весне самой.
В нем смерть, а в ней дыханье жизни.
В нем по ушедшему тоска,
А в ней любовь, как лучик в призме,
Сгруппировалась для броска
И преломившись многоцветьем,
По грязным прыгала полям,
Незагорелым лицам этим
То здесь, то там, то здесь, то там.
И легче жить на свете стало
Тебе и мне, тебе и мне.
В дождь, рвавший в клочья одеяло
Снегов, подтопленных в воде.

* * *

Как страшно, когда солдату
Не дым мерещится боя,
А слово, ракетой крылатой
Взрывающий Дзот покоя.

Но он, испытавший страхи
Жестоких военных баталий
И знающий пыл атаки,
Боится слова из стали.

Оно пробивает навывлет
Души окаянной кущи, —
А кто же такое осилит,
Что пули смертельной пуще?

* * *

Пели песни где-то
За рекой туманной,
Близился рассвета
Лучик окаянный,
Чтоб прервать блаженной
Ночи страсть и негу,
Стати обнаженной —
Альфу и Омегу
Девки-недотроги
Из соседней хаты.
Шли на фронт дорогой
Юные солдаты.

* * *

У карусели проржавевшей
Толпится маленький народ,
Готовый круг за кругом вешать
На круп лошадок свой живот

И что есть сил кричать от страха,
Как только круг прибавит ход,
И даже не по-детски ахать,
Кривя в испуге алый рот.

И за такие муки деньги
У карусельщика сжигать?
Но, кто назвать посмеет — «Бредни»
Желанье на коне скакать?

Хоть он давно уже не белый,
С отбитым ухом и хвостом,
Но тянется народ несмелый,
К нему! И видит смелость в том.

Аврора

У Петербургского причала
Стоит, на вечность обречен,
Корабль, что выступил началом
Коммунистических времен.

И до сих пор орудья слышен
Произведенный в лету залп,
Но он давно смиреньем дышит
Экскурсионный славя гвалт.

И кто поймет, что он легенда
Мелькнувших в вечности времен,
А не игрушка «Дисней Лэнда»,
Где мог бы быть он погребен?

Смотри, как поручни сверкают
И палуба огнем горит!
Стоит «Аврора» и не знает
Когда опять заговорит.

С годами силы поиссякли
И некому ей бросить клич.
Лишь в Мавзолее истлевают
Ее возвысивший Ильич.

Трасса Е-95

Красавицы, каких так много,
Влюбленный взгляд, точеный стан.
Славянок, коих по дорогам
Позорный строй навеки встал.

И всякий, трассою летящий
На Питер — уж в который раз
Причмокивает, настоящий
Индейца увидав раскрас.

Но ей годков до жути мало
И грудь наполнил силикон,
Но в эту ночь в шеренгу встала
Она! Презрев дедов закон.

И назвала себя блудницей
На все грядущие века,
Красу земли — славянок лица
Нетрезвым бросив мужикам.

* * *

Когда к твоим коленям припадаю,
Разгульная и строгая Москва,
Ко всем богам молитвенно зываю:
Стань мне как мать, любима и близка!

И увлекая в бешеные ритмы
Храни и на земле и под землей,
И всякий раз, творя свои молитвы,
Во Храмах обо мне во здравье пой.

А я тебе взамен отдам, что хочешь:
Любви слова, а может жизнь саму,
И даже если ты мне напорочишь
С финалом черным вечную беду.

Башмак

Сижу! И нечего мне делать,
Как только на башмак глядеть.
Он кожа от чьего-то тела,
На бойне принявшего смерть,
И после выделки фабричной
Ее решили сделать тем,
Что на ноге моей прилично
Сидит без всяких там проблем.
Но иногда зимой студеной,
Когда асфальт под снегом спит,
Кричит скотины умерщвленной
Душа! А может, снег скрипит?

* * *

Как читать приятно книги,
А тем более писать
Не за мзду, не за ковриги,
А за неба благодать.

Рассказать о том, что знаю,
Что сумею подсказать:
О судьбе, она ведь злая,
Или может ею стать,

И заставить потянуться
В шкаф за книжкой моей
И ответ найти не куцый,
А простой и мудрый в ней.

Вот за это счастье, верно,
Стать полезным — и пишу,
Надрывая плоть и нервы,
К Душам жаждущим спешу.

* * *

Снег еще не лег на Землю,
Ну а стужа заплела
Черных луж тугие нервы
В мутноватый блеск стекла.

Каждый листик в саркофаге
Этом в вечность погребен,
И случайный клоч бумаги
Схвачен льдом со всех сторон.

И кого хулить и хаять
Нам о дерзости такой?
Раскрасневшаяся харя
Уши трогает рукой,

Растянув в улыбке губы,
Цедит северным ветрам
Свой ответ простой и грубый
С ярим матом пополам.

Вадька

В больнице N-ского уезда
Лежал психически больной —
Тщедушный, недоучка, бездарь,
К тому ж частенько и хмельной.

И выпивку ему носила,
Поверьте — собственная мать.
И в те моменты дикой силой
Он мог, по сути, обладать.

И били пацана припадки,
Крутили тело так и сяк,
Покуда бедный для разрядки
Всю «дурь» не вкладывал в кулак.

Бледнели красные береты,
В которые вплетался крап,
Пред тем, как он крошил клозеты,
Себя не мучая никак.

Но в ночь на день, какой не помню,
Он сам же свой рекорд побил:
В припадке ярости он, словно
Букашку, — доктора убил.

* * *

Сосны сохнут на пригорке
Средь ромашковых полей,
На ветвях зеленых зорко
Служит службу воробей.
Все ему запомнить надо
Он не кто-нибудь, а страж.
Хоть не может петь рулады,
Но порой впадает в раж,
Распустивши крылья, кличет
Всех, опасность опознав
И не хищным клювом тычет
В сторону, где рыщет враг.

* * *

По дороге непролазной
Шел старик куда-то вдаль.
Был седой он, одноглазый
И в руке сверкала сталь.

Знал он, что вот-вот догонит
Супостата. Нож остер,
И по рукоятку вгонит
Он его — с расправой скор.

Там в избе стонала внучка
От врага мужских затей.
Дед, ножа сжимая ручку
За обидчиком — быстреей.

Силы быстро иссякали,
Но спина уже видна
На которую упали
Мститель, нож и смерти мгла.

* * *

Уберись с дороги, Горе,
С глаз исчезни, пропади —
Я с тобой давно в раздоре
И развязка впереди!

Не касайся сердца лживым,
Ядовитым языком.
Горе, ты не будешь живым,
Коль со счастьем я знаком.

А тебе пуститься в драку
С ним, признаться, не с руки.
О себе самом ты плакать
Станешь планам вопреки.

СВАТОВСТВО

Эй, казак! Продай коня
За большую цену!
Есть деньжонки у меня,
Дом, овес и сено.

Есть красивая жена
И детишек прорва,
И лампада зажжена
Пред Христом покорно.

Твой товарищ боевой
В пене, еле дышит.
Не бери его с собой,
Не имея крыши.

Ведь тебе-то подадут,
Прослезившись, бабы,
А коня они убьют
За расплату дабы.

Хочешь, братом в дом войди,
Будет хлеб, да каша,
Да коню бадья воды...
Да жених Любаше.

* * *

В облаках тонули звезды.
Редкий луч на мокрый лист
Приколачивал, как гвозди,
Развеселый оптимист.

Пессимисту тоже было
Чем народец попугать,
И тоска немая выла —
В водостоках скорбь опять.

Я то к радости, то к горю
С бесшабашностью стремлюсь
И с любым до драки спорю.
Это Осень! Это Русь!

* * *

Осень выгорела! Пепел
На снегу еще лежит,
Но упрямый взор заметил,
Как белы снега! Свежи!

Как последний мертвый листик
Изгоняем ветром — льнет
К упаковке для сосисок,
Той, что прочно вмерзла в лед.

И сияет белолика,
С сизым паром вокруг рта,
Русь, умытая брусникой,
В шалях, валенках, портах.

* * *

Купол Храма задушен
Белым шарфом тумана.
Напрягись и послушай —
Плачет колокол: «Мама!»,

И вослед ему вторят
Братья меньшие хором,
Неизбывное горе
Легче выдюжить с ором.

Содрогнуться весь мир,
«Да имеющий уши!»,
Должен. Плачет эфир, —
Купол Храма задушен.

* * *

Под акациями нищий
Разместился на ночлег,
Поделившись с шавкой пищей.
Шавка тоже ценит хлеб,

Что в руках артрозных слаще
Чтился сладкого всего,
Как считал не только пращур
Но и все до одного

Те, кто хлебу знают цену,
Ласки, мудрости, теплу,
Рвавшие в запястьях вены
За копейку на кону.

Ту, которая, возможно,
До цены не достает,
Что в харчевне придорожной
Хлеб, а значит, жизнь дает.

И поевши всухомятку,
Вместе с псом улегся спать,
Чтобы к хлебушку стерлядку
В сне ознобном увидеть.

* * *

Прошедшим не живу,
В грядущее не верю.
Питаюсь тем, что жну
Я в православной вере.

Прошедшее тяну
К ее высокой планке,
Спускаю тетиву —
Стрела летит к останкам.

Того, что будет там
В неведомом, грядущем,
Каких не знаю стран,
Степей, полей и пущей,

Каких людей, зверей.
Доктрин и философий...
Но ты мне в мозг не лей
Загадочность утопий.

Не говори, что жить
Прошедшим не желаешь
Или в грядущем «Быть
Или не Быть!» — не знаешь.

* * *

Преодолеть препятствие несложно
Почти любое, если цель ясна.
Но вот себя! Наверно, тоже можно,
Во сне, но не очнувшись ото сна.
Когда тебе перебивает ноги
Осколок мины, ты уж не ходок.
Преодолеть бескрайности дороги
Тебе помочь бессилён даже Бог,
И каждый шаг омыт слезой и болью,
И каждый метр — считай дорога, Путь!
И вверх подняться над своею болью,
В сладчайшем сне, калека, не забудь.

* * *

Я истекаю совестью из раны,
Которую мне нанесла судьба.
Купить себе прощенье — по карману ль? —
Тому, кто ждет «позорного» столба?

И у кого? Кто истины не жаждет,
Лишь зрелище желает лицезреть.
Для «искупленья» мне не нужен каждый,
А только тот, кто может смерть презреть.

Во имя влаги той, что истекает
Из раны вон, что совестью зовут,
Целительной рукою прикрывая,
Открывшийся всем взорам, срам и блуд.

* * *

Ночь идет к концу, светает.
Пахнет росною травой.
Мне тебя так не хватает,
Ангел, выдуманный мной.

В том, коротком и тревожном,
Сне, который видел Я,
Как губами осторожно,
Целовала ты меня.

Белолика и красива,
С длинной, русою косой
Ты со мной траву косила
Со сноровкою земной
И тебя любить желая —

Что поделать я могу —
Ангел мой, уже светает
И мне холодно в стогу.

* * *

Ветром желтый лист гонимый,
Весь продрогший от дождя,
Моего окна стыдливо
Хрупкое стекло обнял.

Он припал к нему не просто
Мокрый, в поисках тепла,
Не желал он стать погоста
Жителем, где тьма и мгла.

Для него стекло, что Кущи
Рая, где бы мог он жить,
Но ветра разыграли пуще,
Мертвый лист, ты где, скажи?!

* * *

Не в том ли счастье, что несчастья
Тебя обходят стороной?
И ты не станешь в одночасье
Хромой, кривой, или больной.
Ты просто будешь жить и верить,
Что завтра будет точно так,
Как нынче. И входные двери,
Не отворит беда никак.
Такое бытие навеки
Счастливым люди нарекли,
Когда несчастья с человеком
Соприкоснуться не смогли.

* * *

Нету мамы больше. Нету!
Кто расскажет мне о том,
Как бродил по белу-свету,
Голод с отворенным ртом,

И глотал подчас такое,
(В дни блокады на Неве) —
Из умерших тел жаркое,
Даже в собственной семье?!

Про бомбежки, про разруху,
И про все житье-бытье,
Далее о черных слухах,
Чем питалось бытие.

И кого коснулась драма,
А кого оберегла, —
Этой ночью моя мама,
В страшных муках умерла!

* * *

Блокадный Ленинград оставил след в тебе,
И высохла ты от недоедания.
Когда достаток есть в напитках и еде,
Но есть и нетелесные страдания,
И есть большой души нелеченная боль,
Переживанье за детей и внуков.
Они, как будто бы на раны твои соль,
В услышанных обрывках фраз и слухов.
Ты знала свой уход, не ведом только час
И день, когда ты этот мир покинешь,
Слабеющей рукой благословляя нас,
Переходя от русского на — идиш!

* * *

Снег искрится и жизнь торжествует —
Тротуарами катится снег,
Голубиная пара воркует,
И целуется сладко при всех.

Так же солнце на небе играет
Озорными своими лучами,
Только мамы мне не хватает,
Что своими потухла очами

И ушла в неизвестные дали,
Со прощальным моим поцелуем,
И снега вокруг черными стали,
Смех затих, сизари не воркуют.

* * *

Весь я в работе творческой,
В правке стихов окаянных.
Правда, в них, как пророчество,
Как вечный бой с изъянами.

Каждое слово шлифую,
Каждой мысли — молюсь,
И о строке тоскую,
Той, где собой возгоржусь.

И я в работе снова,
Переписать стараюсь,
Первое взяв за основу,
В энном не ошибаясь.

И рассказать все точно
И непременно изящно, —
Хоть о канаве сточной,
Хоть о звезде летящей!

* * *

Неведомой войны удушливый угар
Простер свой шлейф до наших дней, и ныне
Я чувствую осколочный удар
В плечо, от противопехотной мины.

Уйдя из Сталинграда на Кабул,
Она вернулась бумерангом в Грозный,
И ветер смерти грудь страны обдул,
И выложил свой самый главный козырь.

И вновь гробы, пожарища, и скорбь,
И два народа траур в душах носят,
Ну а война, отплясывает дробь,
На тех гробах, и новых в лапы просит.

И дед-чечен, что Волгу защищал
И Терек от глумливого германца,
Свой орден перед боем начищал,
За Сталинград, и славянина сердце
В прицел желал, — отдать на откуп танцу,
Который тот со смертью б исполнял!

СОДЕРЖАНИЕ

НЕТЕРПЕНИЕ СЕРДЦА	3
СТИХОТВОРЕНИЯ	18
Том I.....	18
ВСЁ, ЧТО ИСХОДИТ ОТ МЕНЯ	20
(1999 — 2000)	20
Всё, что исходит от меня	22
Жизнь недостойная моя	23
А что за чёрною чертой	24
Седой туман пробил холодный пот	25
Ночь стремится к концу	26
Проснулся, порвана сорочка	27
Я вижу сны правдивые о том	28
Моя свеча все теплится в ночи.....	29
Мальчик, ребенок мужского пола.....	30
Меня склонять на добрые дела	32
Про себя.....	34
А ветер северный поет	35
Локон нежный и волнистый	37
Мой дом стоит, огнем объятый.....	38
Я люблю тебя, родная	39
Мы приучим их следовать за мечтой	40
И снова суета в мерцающем экране.....	43
Пластилин	44
Один поэт сказал однажды	45
Книга.....	47
Пускай начертанный диагноз	48
Когда откровенья столетий	50
Зима в разгаре — Рождество	51
День стал как ночь, в густом свинце небес.....	52
Инстинкт подпитывает чувства	54
Я вымыслил тебя такую, как ты есть.....	55
Опять казенный дом, посылаю больницу	56
Моя жена, что океан страданий	57
Меня наверно полюбила	58
Во искупление или нет.....	60

Не надо женскую натуру	62
Монолог о страхе.....	64
Какая проза — это утро	66
Черная сука с сосками набухшими.....	67
Сто тысяч раз всходило над землю.....	68
Сцена на базаре.....	69
Я земли коснулся, сквозь которую	71
Сидела девочка в слезах	72
На прекрасное — восторгаюсь.....	74
Репетиция парада.....	76
Перед операцией.....	78
Всему свой срок, определён давно	80
Практикантки.....	81
Преклони свою голову, ведьма седая.....	82
Не сдержать мне накала земного	83
Ромашка.....	85
Ближе к вечеру, ближе к холоду.....	86
Ты знаешь, друг мой закадычный.....	87
И вновь автобус желтолобый	92
Июньский дождь, как ты хорош	93
И тихой речки гладь застывшую	95
На мосту	96
Снег белый, что объял все крыши	97
Последняя скачка	98
О чем нам говорить с тобой	99
Ветеран	101
Вдоль дороги праздно и беспечно	103
Река извечная струится	105
Летит по небу паутина	107
Что-то где-то случилось, меня беспокоит.....	109
Остригли поле под нулевку.....	111
Комары	112
Одной чредой «Прощенных воскресений».....	113
Горячим солнцем опаленный	114
Я увидел, что мне не давалось увидеть	115
Красивая женщина, кто бы поспорил.....	116
Собаке Роне, афганской борзой.....	117
Прокаженные	119
Господь, за все меня прости	121

Ночь обнажила девственные звезды	122
Сам себе режиссер.....	123
Все дни меня терзала совесть.....	124
Крепись, сынок! Соблазны не сломают	126
Я знал, что нынче будет дождь	127
Женька	128
В зеркальном отражении воды.....	129
Я приду, обязательно ждите.....	130
Кровосмешение	132
Солнце брызжет в холод дней осенних.....	134
Меценат	135
Спилили дерево под осень.....	136
Как мне зябко на природе.....	137
Мне в редакции местной газеты	138
Ой, вы девочки мои	139
Пни да коряги, да желтые листья.....	140
Сотвори меня Боже по подобию собаки.....	142
Заходи! Снимай с себя пальто.....	144
Шариком рыжим, в зеленые лапы	145
Мой друг подавился икрой осетровой	146
Я, по счастью, не всем досаждать предназначен	147
Обернув полотенцем голову	148
Я еще с армейской службы.....	149
И НОВЫЙ ДЕНЬ	150
МНЕ ЧУВСТВА БУДОРАЖИТ	150
(2000 — 2002)	150
Я настроен на мир и общенье.....	152
Причем моя порядочность, на деле	153
Вчера в соседнем номере.....	154
Что есть судьба, критерий Зла?.....	155
Опьяненный восторженной мыслью	156
Грешен, выудил средь столкновений	158
Скрипел декабрь, озлясь, зубами, замороженный.....	159
Когда проснусь и солнышко увижу.....	160
Ночь за окном беспечно дремлет.....	161
Вчера ко мне зашел товарищ.....	163
Рождество.....	165
Ну вот уже и святки на дворе.....	167
Я хожу через боль и лежу через боль.....	168

От палаты до клозета	169
Дожди секли заснеженные дали	170
В будний день, в студеное поле	171
Как мне больно и обидно.....	172
Ходит комнатами воздух	174
Залижи мне, Рен, все раны.....	175
Образок.....	176
Колдунья	177
Приручи к себе собаку	178
Стол накрыт и бутылки расставлены	180
Февраль! За окнами темно	182
Вчера судьба мне нагадала.....	184
Мне страшно в зеркало глядеть	185
Сквозь сон ловлю дыханье сердца.....	186
От стаффордшира и овчарки	187
Укроти мои боли, всевидящий Авва	188
Сиж у больничной церквушки	189
Прекрасное утро. Лето	190
Конец войны! Какой? — Не помню.	191
Ну что ж, я согласен даже на это	192
Никогда не приемлю я жажды чужого.....	193
Есть в мире толк благого дела.....	194
Мне привиделся редактор.....	195
Я поле жизни перейти могу.....	196
Снег случился! Зима только-только	197
Подсушила стужа лужи	198
Стекал плевков с его щеки	199
Снег ползет с отливов окон	200
Ты меня гнала из этой жизни	201
Скатертью накрыли стол	202
Я уже ничему не верю.....	203
Страх.....	204
Накаркал мне ворон злоеший беду	205
Старец.....	206
В природе всё всегда в порядке.	208
Я не могу кричать громогласно	209
Сверкает далекое небо	211
Да полно, полно уж стараться.....	212
Открой мне Душу, человек.....	213

Когда мне дьявол сердце жег	214
Полнолуние	216
Как целомудренно проста	217
Низвергнутый в пылу сраженья	219
ЖИЗНЬ НЕ КОНЧАЕТСЯ	222
А ЛИШЬ МЕНЯЕТ ФОРМУ	222
(2002 — 2003)	222
Исчезают как виденье,	224
Дым над трубой, всходящий черной гривой	225
Что ты бродишь, ангел падший	226
Мне надо выехать сегодня	228
Молчанье — не присутствие ума	229
У Михалкова на «Цирюльнике»	230
Дорога скользкая! Туман	231
Уж солнышко спешит лучами	232
Беда! Стоит в углу покойник	233
Малороссия! Зачем же	234
Добрый конь у воеводы	235
Почернело в груди	237
Собаке Рену	239
У них в извилинах ума осталась дурь и блажь	240
Мне агрессия ни к чему	242
С тобой мне нечего делить	243
Жизнь не кончается, а лишь меняет форму	244
Не сидится, не лежится	245
Жаждет выстрела и ржавое ружье	246
Воскрес, раздавленный стопою	247
Осень! В расцвете самом	248
Нахлобучены на брови	250
Во славу партии мы живы	251
У раскидистой ракиты	252
Анафема Судьбе	253
Не страсть к вину меня в могилу сводит	254
Продали антиквару крест	255
Мне снилось, что я не один	257
Клыкастый снег, колючий, вязкий	259
Сколько хочешь смотри, но не сглазить меня	260
Черные доски чего-то да стоят	261
Храм, искрящийся подсветкой	263

Загуби меня, до полуночи.....	264
Ты совсем еще разумом кроха	265
Яйцо. Словарь Ожегова	267
О Богородске.....	269
Гробовщик.....	271
Я, вольный в действиях когда-то	273
Ходит, хороводы водит	275
Земля, студясь, взлетала паром в небо	276
Как говорить мне с девой юной	277
Нету моря, лежащего с всяких сторон	278
Который раз я опечален.....	279
Сиротский дом. Одни старухи	280
Не того я коснулся порога	281
Весной заплакала Природа	282
Как страшно, когда солдату	283
Пели песни где-то.....	284
У карусели проржавевшей.....	285
Аврора	286
Трасса Е-95.....	287
Когда к твоим коленям припадаю	288
Башмак.....	289
Как читать приятно книги	290
Снег еще не лег на Землю.....	291
Вадька	292
Сосны сохнут на пригорке.....	293
По дороге непролазной.....	294
Уберись с дороги, Горе.....	295
Сватовство.....	296
В облаках тонули звезды	297
Осень выгорела! Пепел	298
Купол Храма задушен.....	299
Под акациями нищий	300
Прошедшим не живу.....	301
Преодолеть препятствие несложно	302
Я истекаю совестью из раны	303
Ночь идет к концу, светает.....	304
Ветром желтый лист гонимый	305
Не в том ли счастье, что несчастья.....	306
Нету мамы больше. Нету	307

Блокадный Ленинград оставил след в тебе	308
Снег искрится и жизнь торжествует	309
Весь я в работе творческой.....	310
Неведомой войны удушливый угар.....	311

Алейчик Анатолий Александрович
Мой потомок дальний, здравствуй!
Стихотворения. Избранное в 2 томах.
Том I

Вступительная статья С. Д. Гладыш
Редактор-составитель С. Д. Гладыш

Компьютерная верстка и художественное оформление
Издательство «БПП»

ISBN 978-5-901746-15-8

ООО Издательство «БПП»:
121601, Москва, Филёвский бульвар, 1, 11А
www.web-bib.ru